

Алексей Кононов

ИНТУИТ

Издательские решения
По лицензии Ridero
2018

УДК 82-3
ББК 84-4
К64

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Кононов Алексей
К64 ИНТУИТ / Алексей Кононов. — [б. м.] : Издательские
решения, 2018. — 494 с. — ISBN 978-5-4485-0185-2

«И Н Т У И Т» — первая книга из серии «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ».

Если мир всячески доказывает, что тебе в нем не рады, стоит прислушаться. А вдруг твое место действительно не здесь — не в этом городе, не среди этих людей?! Илья твердо знал: судьба — это то, что обязательно случится. И когда жизнь пронзит раскаленная пика испытаний, а сны приведут в другой мир, унылому существованию придет конец.

УДК 82-3
ББК 84-4

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-0185-2

© Алексей Кононов, 2018

Если мир всячески доказывает, что тебе в нем не рады, стоит прислушаться. А вдруг твое место действительно не здесь — не в этом городе, не среди этих людей!? Илья твердо знал: судьба — это то, что обязательно случится. И когда жизнь пронзит раскаленная пика испытаний, а сны приведут в другой мир, унылому существованию придет конец.

Что ж, хотел — получи.

Но будь готов навсегда покинуть Землю и, покоря сердце упрямой девчонки, выиграть войну, которая тянется уже несколько тысяч лет. Вот только для этого нужно... перестать быть человеком.

И пускай это верная смерть.

Разве есть иной выбор у того, кто презирает обычную жизнь?

СЕРИЯ «ПЕРЕКРЕСТКИ МИРОВ»

ИНТУИТ

ЛОГИК

ЧЕЛОВЕК

ИНТУИТ

глава первая

СОВПАДЕНИЯ

***

Совершенно неясно, откуда берется тут свет: не видно ни одной лампы, и все-таки он есть. Приятное темно-желтое свечение, как от одиноких фонарей на полупустых улицах вечернего города.

Я уверен: несмотря на исполинские размеры архитектуры, это университет, обжитый и горячо любимый вуз, который пришлось покинуть много лет назад и поселиться в холодном мегаполисе. Увы, мое пребывание в университетских стенах сейчас невозможно.

Этот безмятежный свет — его не волнуют мои сомнения. Он каждый раз обволакивает их, скрывает, даря взамен тепло. В нем без следа растворяется все что угодно — я попросту забываю о логике вещей.

Остается лишь одно: действовать во имя чьей-то странной прихоти и выполнять приказы, принимая их за собственные желания.

***

Налево — огромный бар, темный и безлюдный на первый взгляд. Барная стойка, где должен быть официант, светится — дает понять, что всегда ждет клиентов. В безлюдном зале едва слышно звучит мелодия без слов. Кажется, это популярная композиция «Из мышеловки» группы «Пикник». Место вовсе не располагает к такой музыке, но это никого не смущает. Меня в том числе.

«Нет, кто-то тут все-таки есть», — в поле зрения моего шестого чувства то и дело попадают люди. Они постоянно двигаются, поглядывая на меня.

Хочется зайти в туалет. Нет, не по нужде, а просто так, посмотреть.

«Или уйти от них подальше...» — звучит голос внутри меня. Впрочем, небезосновательно.

Выхожу из бара.

Винтообразная лестница с широкими ступенями, на которые тени ложатся так, что не удастся разглядеть рисунок на шершавом от песка мраморе, приводит меня на второй этаж. Последний шаг раздается эхом, гулким и протяжным. Оно облетает каждый уголок атриума — любимого места всех студентов во время большого перерыва. Обычно тут проводят

всевозможные мероприятия, но сейчас атриум пуст.

Отсутствие людей вокруг — факт, в котором начинаешь сомневаться все больше и больше, потому что ощущение, что за мной наблюдают чьи-то любопытные глаза, скрытые во мраке, по-прежнему не отпускает.

Туалет располагается в десяти шагах слева от лестницы, за деревянной дверью, покрытой коричневым лаком. Большую часть двери занимает овальное матовое стекло, сквозь которое видно, что в помещении горит свет. Сейчас там пусто: никто не отбрасывает подвижных теней, и поэтому свет падает ровно и неизменно тускло. Взявшись за медную ручку, сам не знаю почему, вдруг испытываю приступ ностальгии: дверь, очень старая, но старательно ухоженная, впитала в себя историю не одного поколения. Мне всегда казалось, что там, где кончается материальное, обязано брать свое начало духовное. Именно его и хранит эта дверь, и вообще — любая дверь в этом старом некогда военном университете. Такое свойство у предметов появляется лишь с течением времени.

Очень приятно его ощущать.

Надо сказать, что я бы ни за что не поменял их на какие-либо другие двери: эпоха былого и мудрая вечность застыли в них, каждая дверь хранит тысячи прикосновений — их нельзя менять. Наверное, это очень глупо, но я, и правда, чувствую всю мудрость этой туалетной двери.

Вхожу внутрь. Передо мной с десятков кабинок и умывальников, но зеркал почему-то нет. Видно, архитектор не стал особо заморачиваться с интерье-

ром, главное для него — сделать все исполинским.

Вдруг возникает чувство преследования. Не могу понять, кто может за мной идти и почему, но это становится так отчетливо ясно, что я счел за благо как можно быстрее выскочить наружу в поисках пути для отступления. Энергично преодолев пару зигзагов лестницы с пролетами, стараюсь сделать шаги неслышными в надежде бесшумно уйти от погони.

Кто за мной гонится? Черт его знает... Но оторваться точно надо!

Четвертый этаж — это множество дверей, за которыми находятся лекционные залы. Вообще, весь корпус представляет собой огромный квадрат. Первый и последний этажи имеют невысокое ограждение, через которое можно перегнуться и посмотреть, что происходит внизу, с любой из сторон. В самом низу в темноте видны шевелящиеся силуэты людей. Их двое или трое. Они о чем-то переговариваются, догадываюсь я, затем, повернувшись в мою сторону и секунду помедлив, опростелью кидаются в сторону лестницы. Той, по которой поднимался я.

«А может, мне все это кажется?» — мелькает в голове. Все равно. Я чувствую страх — вот что важно. Нужно доверять своему чутью, пора уносить ноги!

Как дикая антилопа, срываюсь с места, делая первым даже не шаг, а прыжок. Бегу вдоль коридора, который одновременно и своего рода смотровая площадка, и путь к множеству аудиторий. Мелькают двери — бесконечное множество черных прямоугольников, встроенных в бетонную выкрашенную белой краской стену. Нырять в один из них.

Еще одна лестница приводит меня в соседний корпус. Здесь все та же нескончаемая вереница дверей, только уже слева: почему их так много? Неужели университет способен вместить столько желающих обучаться премудростям наук!

Не снижая темпа, бегу дальше. Чувство преследования уже давно переросло в страх быть пойманным. Сердце бешено колотится.

— Да что вам от меня надо? Что я сделал?

Вопль гаснет в тишине позади меня.

«Нет, этот проклятый коридор никогда не закончится», — в отчаянии думаю я, распахивая очередную дверь, за которой меня опять ожидает лестница, ведущая в следующий корпус, к еще одной бесчисленной череде дверей.

Это место решило свести меня с ума.

Замечаю, что, чем быстрее двигаются мои ноги, тем ближе становятся преследователи. Один мой шаг — два их. Ускоряю темп, насколько могу. Все повторяется еще несколько раз с завидным постоянством: коридор, дверь, лестница, коридор...

Пожалуй, это будет последний забег: меня уже почти догнали, стоит только кому-то из преследователей протянуть руку — и он сможет дотронуться до моего плеча, задержать, схватить и... что тогда?

Так страшно! Не хочу думать об этом.

«Быть может, я раз за разом ошибаюсь, выбирая не ту дверь?» — мысли о спасении — единственное, что могу себе позволить на бегу. Вздрагиваю от ужаса, понимая, что осталась последняя дверь, которую еще можно успеть открыть. Если за ней очередная лестница — быть беде.

Яркий свет бьет в глаза.

За окном, надо же! наступил день. Сетчатка адаптируется мгновенно: отчетливо вижу стоящую у окна девушку невысокого роста, она смотрит наружу. Черные как смоль волосы едва касаются плеч, несмотря на тонкую талию и хрупкую фигуру, в ней чувствуется физическая сила. Грациозные движения. Кожа медного цвета. Она поворачивается и идет ко мне. Поражают ее неестественно голубые глаза: такие глубокие, что в них можно утонуть, так и не достигнув дна, как в море; такие прозрачные, как небесная синева.

На секунду возникает ощущение миража: пустынный берег, яркое солнце и прохладная вода, по глади которой гуляет легкий ветер. Стоит лишь захотеть — и он поднимет тебя высоко-высоко в синее небо, подарив наслаждение полета.

Мне кажется, в этих бездонных глазах заключен целый мир, свободный и простой. Я в мгновение ока влюбляюсь в этот мир. И только потом замечаю, что преследователей больше нет: они утратили интерес, потому что ОНА оказалась рядом. А может, гнали меня к ней специально? Не знаю.

Все вокруг меня начинает вдруг размываться и таять, и в этот самый момент приходит осознание. Как всегда, это происходит резко и настолько внезапно, что поначалу теряешься от обилия нахлынувших мыслей.

Все вокруг сон. Нет преследователей, нет университета, нет бара и кафельного пола под ногами. Нет больше желтого света — он отпустил меня.

Все исчезло.

Но не она.

Она остается, и мне опять становится страшно. Я ведь должен уже проснуться! Предельный миг сно-видения прошел, время кончилось, как кончалось до этого сотни раз! Но не сейчас. Его что-то держит и будет держать до тех пор, пока девушка не сделает то, за чем появилась.

Ее губы шевелятся в попытке выговорить одну-единственную фразу. Я вдруг понимаю, что хочу ее услышать, и она улыбается — ей становится легко от этого моего желания. С губ срывается еле слыш-ный шепот:

— Я жду тебя...

Вот теперь — все! Это конец. Сон гаснет.

Черноволосая девушка тает в свете утреннего реального солнца из моего реального мира.

11:11

Зеленые электронные часы я забрал у отца. Им столько же лет, сколько я хожу своими ногами по этому несчастному миру, а может, и гораздо больше: знаю только, что вижу их с самого детства. Только одним мной они были сломаны сотню раз, и поэтому я чувствовал свое законное право забрать их во взрослую жизнь.

Четыре зелененькие единицы высветились на экране как раз в тот момент, когда я с трудом разлепил глаза. А ведь заводил вчера на семь ноль-

ноль — опять не сработали. Однако выкинуть ставший уже родным раритет рука не поднимается, а уж чинить старую электронику тем более. Вообще, в силу моего характера в доме никогда не скапливается ненужный хлам. У меня действует усовершенствованное правило хранения вещей: то, чем не пользуешься три дня, отправляется на помойку. Радикально и честно. Люблю так.

Часами я пользовался реже, чем раз в три дня, и заводил их тогда, когда мне хотелось проспаться. Сознательно бы я этого не сделал, а вот если не прозвенит будильник — это уже дело совершенно другое. Так совесть балансирует на ниточке между ответственностью и случайностью. Таким образом, часы стали единственным исключением среди кандидатов на выброс.

«Какой странный сон сотворило подсознание, — размышляя я, лениво валяясь в кровати. — Еще более необычный, чем все остальные, и еще более прекрасный — из-за нее...»

Ручеек спокойствия безмятежно струился по моим венам. Лишь в такие моменты, когда почти осознанно просыпаешь работу, оно и приходит. Однако сейчас на фоне умиротворения вдруг замаячила тоска по утраченному миру грез. Ее не мог заглушить даже как всегда с опозданием просыпающийся голос разума, отвечающий за мою сохранность в этом мире: выговор на работе, лишение премии и даже возможное, хотя нет, абсолютно точное, понижение зарплаты! А может быть, и...

«И что? Увольнение?» — усмехнулся я и бодро произнес вслух короткую мантру стрессоустойчивого

человека:

— Пофиг!

Этот самый «пофиг» разогнал сонную одурь, за что ему глубокий респект. «Только что лишился черноволосой красавицы с голубыми глазами и, скорее всего, больше никогда ее не увижу, какая уж тут работа», — окончательно обнаглев, мысленно проворчал я. Если когда-нибудь у меня появится вероятность променять все зарплаты в жизни на возможность вечно бродить по лабиринтам снов — встану в очередь за ней первым, а конкурентов просто уничтожу.

Тапочки лежали под кроватью, прямо у ног, — отшвырнул их подальше и ощутил ступнями приятную прохладу, накопленную деревянным паркетом за ночь, пусть даже он был усеян песком и мелким мусором по углам. Время генеральной уборки еще не наступило. Это не главное. Это мелочи, которые меня никогда особо не заботили. И даже когда мать, считавшая меня недостаточно чисто плотным, однажды собрала нанесенный ботинками песок и высыпала его на мою простыню, это мало что изменило в моем воспитании. К тому же за столько лет жизни в отдельной квартире привычка убираться тогда, когда этого пожелает душа, пустила корни аж до самого первого этажа и дальше — в землю. Квартира была крепостью, убежищем и оплотом, где имели право на существование исключительно мои правила. По крайней мере, уверенность в этом меня никогда не покидала. Здесь я мог уединиться от неприятностей, наслаждаясь тишиной и спокойствием.

Собственные мысли меня не пугали, как это часто бывает со многими жителями земного шара. Наоборот, я любил их и не смел заглушать бессмысленным шумом телепрограмм (мой телевизор, естественно, уже давно разобрали на запчасти бомжи и отволокли на радиорынок), а одиночество делало их только ярче. Тишину стоит ценить всегда, она мой самый верный товарищ, который непременно укажет на истинные желания. Жаль только, что моим в этом мире сбыться не суждено.

На кухне встроенные в холодильник часы, светящиеся синим цветом, на несколько минут отставали от зеленых; я как раз уловил тот момент, когда они сбили гармонию четырех единиц, заменив последнюю двойкой.

Все мои сборы закончились за полчаса. Залпом проглотив кофе и наскоро почистив зубы, я подумал, что успею на работу как раз к концу обеда. Первый послеобеденный час потрачу на объяснения с начальником. День пролетит быстро, и это, честное слово, не может не радовать.

Выскакиваю из подъезда и тут же краем глаза подмечаю маршрутку.

Несмотря на то что водитель ставшей уже привычной для нас неславянской внешности всем своим видом показывал, будто опаздывает: яростно тыкал указательным пальцем в убитый временем циферблат поддельного ролекса, изображая негодование, и энергично матерился на своем наречии, тем самым подгоняя меня, — маршрутка терпеливо дожидалась пассажиров еще минут пять после того, как я расплатился за проезд и плюхнулся на свободное место.

Набралось человек десять. Все, конечно же, спешили и, рассаживаясь, бестолково суетились, как муравьи на куче сосновых иголок. Молодая мамаша с ребенком на руках, который, судя по его виду, был готов в любую секунду взорвать ором и без того шумную маршрутку, была напряжена и явно пребывала в предвкушении этого момента. Наверное, где-то в подсознании она раз за разом прокручивала мольбу, уповая на то, что та сработает как стоп-кран и ее (и нас всех, соответственно) минует эта участь. Лицо ее чем-то напоминало лик мудрого и уставшего от своих предсказаний пророка: видно, по ее ощущениям, вопль отпрыска все-таки был не за горами.

Следующим, на кого упал мой взгляд, был бизнесмен, ну, или он очень хотел им казаться: наглаженный костюм, смартфон последнего поколения, в трубку которого он орал, с каждой фразой повышая децибелы. Наверное, оставил машину возле дома или еще не заработал на нее, зато на модные побрякушки денег вполне хватило.

Нет, я вовсе не недовольный жизнью скептик, готовый ворчать по любому поводу, — я человек, в принципе недовольный этим мирозданием. Мои суждения и замечания проистекают из ежесекундно терзающего меня ощущения какой-то неправильности всего вокруг происходящего. Суетливость рода человеческого скорее накаляет внутренний мир, чем умиляет. Тут важно понимать, куда тебя самого клонит, и быть честным. Я вот понимаю. А выдавать колкости в ответ на то, что происходит вокруг, — это моя собственная защитная реакция, которая хоть как-то уравнивает психику. Короче говоря,

стратегия «будь честен по отношению к самому себе» работает: я все еще на плаву и могу как-то сосуществовать с этим мирком.

Ситуация с ребенком и «бизнесменом» в кавычках была похожа на динамит, фитиль которого благополучно поджег обладатель навороченного флагмана в тот самый момент, когда дьявол бизнеса, проявив свою волю, направил его в эту маршрутку.

— Да! Максим Львович, да! Документы подписаны, все готово, везу, везу! Да, до связи! — В деловых переговорах невольно принимали участие все пассажиры маршрутки.

Мамаша с ребенком искоса неодобрительно поглядывала на отрастивший себе ноги «галстук», едва только он появился в святой обители транспортного средства. Ей явно не нравился нарастающий громкий и напористый голос «бизнесмена». Глушилки что ли стали ставить в маршрутках? Ума не приложу. Но, по всей видимости, помехи в эфире становились все сильнее, поэтому парню приходилось орать. А девушке, наоборот, хотелось того, чем я обладал в избытке, — тишины. С удовольствием поделился бы с ней, если бы мог или если бы захотел. Еще не знаю. Моя жадность на этот товар не знает границ...

Девушка с облегчением едва заметно улыбнулась, когда человек в костюме наконец перестал кричать, но телефон зазвонил опять — и это послужило тем самым детонатором, перед которым фитиль обычно догорает до своего положенного конца.

— Извините, не слышно, ребенок кричит! Перезвоню! — «бизнесмен» скорчил жуткую гримасу,

выражающую лютую неприязнь к орущему созданию и его мамаше.

Надо сказать, девушка прекрасно все понимала, но деваться ей было некуда. Наши взгляды случайно встретились. Поняв, что я уже давно наблюдаю за происходящим, она сочувственно улыбнулась. Я ответил ничуть не менее искренней всепонимающей улыбкой. «Бизнесмен», однако, тут же вписался к нам, образуя запутанный треугольник сочувствующих. Его глаза вроде бы смотрели на меня и в то же время косили в сторону девушки. Одним словом, они выражали что-то в духе: «как же задолбал орать этот ребенок, нельзя, что ли, было дома его оставить! Ну хоть ты-то меня понимаешь, братан?»

Скажу честно: я понимал.

И даже немного разделил с ним негодование. Я вообще сочувствую всем: и матери, и бизнесмену, и ребенку, которого выволокли из дома и запихнули в вонючую машину, да еще и в больницу, скорее всего, везут — делать первые в его жизни прививки от чего-нибудь мерзопакостного. А самое главное, я сочувствую этому унылому и скучному миру, в котором все живут по шаблонам, навязанным поп-звездами, миллиардерами, законами высокой моды и до зубовного скрежета надоевшей всем рекламой на баннерах, экранах телевизоров, радио и уже далеко не свободных просторах Интернета. И себе я тоже сочувствую, потому что купаюсь в этом великолепном дерьме информационного века и как-то совсем не рвусь уехать в дикую тайгу.

Да, я не могу этого сделать. Барахтаюсь в собственной паутине так же, как и другие, потому

что... потому что...

Маршрутка доставила мое брненное тело к входу в метро. На прощание, видимо, в благодарность за понимание происходящего, а может, просто из-за собственного смущения девушка вполголоса сказала: «Везет вам».

— И вам в какой-то мере тоже повезло, — ответил я, взглянув в сторону притихшего ребенка.

Девушка тут же повеселела и согласно закивала головой. Всегда бы так.

Тоска, похоже, сегодня заняла первое место в длинном параде моих крохотных приключений. Глядя на всех этих людей, я думал: «Чем они живут? Куда стремятся? Ведь у каждого есть своя цель, и в основном ее можно сформулировать одним словом — деньги. Разве бизнесмен стремится заработать деньги для развития науки? Вряд ли. Деньги ради денег. Вот простая истина и закон нынешнего века, да и любого века, уже прожитого человечеством». Это тот самый идеалистический взгляд на мир, от которого мне никуда не деться. Короче, печаль да тоска для меня, а кому-то вполне нормально.

Нырять в поток хаотично перемещающейся людской массы, который меня проглотит, а потом нас всех еще раз проглотит железный вагон. Этакий извращенный — нелепая метафора! — каннибализм, заканчивающийся жестокой рвотой и последующим высвобождением на поверхность.

А потом... может быть, удастся вынырнуть другим человеком. Еще хуже. Или лучше. Не знаю. Люди ведь меняются, как одиночество с его тишиной сме-

няется шумом и гамом. И вовсе не обязательно для привлечения перемен совершать ритуалы представителей древнего племени Майя или их невежественных соплеменников. Хотя не мне их судить. Были времена — были дела, которые канули в лету: вымерли деловые аборигены с их слепой уверенностью в непогрешимости собственных деяний.

Все-таки надежда на перерождение глубоко заседала где-то внутри меня. Теплый ветер подземки успокаивающе подействовал на мои нервы, раздув это ощущение до нескромных пределов и превратив его в нестерпимое желание выбраться из этой железной кишки другим человеком. Меня не смущало даже то, что подобные желания моментальных перемен приходят в мою голову по нескольку раз в день. Чихать я хотел на явную тщетность предыдущих стремлений, поэтому просто отдался во власть нахлынувшему чувству.

Нырнув в вагон одним из первых, я огляделся: забавных престарелых существ с бело-розовыми кудряшками, которым полагается по всем законам морали и нравственности уступать место, о чудо! не было. Беременных в пределах видимости также не наблюдалось. Толстые и ленивые пусть стоят и дальше — им полезно.

Совесть была спокойна, а посему ничто не помешало незаметно и быстро подкрасться сладкой дреме. Мне тут же привиделась ночная гостья. В мыслях мелькнули воспоминания об утреннем сне: как тяжело ей давались слова, пока я сам не пожелал ее услышать. И пусть это наваждение долго собиралось с силами, чтобы произнести одну-единственную

фразу, зато как я был удивлен после этого! Как ни странно, но, придя в форму после изнурительного побега от преследователей, мне удалось быстро привыкнуть к этому чуду, которое несколько отличалось от других сновидений тем, что... хмм... задержалось? Наверное, так.

И вот выпадает второй шанс. Теперь это событие можно смело назвать невероятным.

В этот раз черноволосая красавица тоже не спешила заговорить: ее губы, шевелящиеся все медленнее и медленнее, так и не смогли произнести ни слова. Она словно находилась на глубине в воде под высоким давлением, секунду спустя ее тело окончательно оцепенело и совершенно перестало двигаться. Передо мной стояло живое изваяние с застывшим, измученным от внутреннего напряжения лицом. Но даже в таком состоянии я смог разглядеть физически крепкое строение ее тела. Сразу было видно, что девчонке многое пришлось вынести на своих худеньких плечах, прежде чем они налились силой. А в невероятно голубых глазах, на самом дне, покоилась та часть ее души, которая полностью приняла свою нелегкую судьбу, даже более того, осознанно выбрала ее среди прочих других жизненных дорог и была этому рада. Я вовсе не хочу сказать, что ее фигура стала со временем мужеподобной, нет, просто она обрела внутреннюю ответственность за саму себя, как это часто случается с детьми переходного возраста. Это неуловимое для неопытного глаза качество делало ее образ сильным и выносливым, при этом, однако, сохранившим грациозные женственные очертания талии и бедер. Словом, если

в кого и влюбляться, так только в эту девушку! И это опять было то самое разочарование, которое посетит меня по возвращении в мир реальный из мира не совсем реального.

Как хочется порой поменять вещи местами, слов нет!

Даже находясь в полном оцепенении, она боролась изо всех сил. Мне вдруг стало ясно, что ей стоило многих трудов встретиться со мной.

Когда спишь, всегда все понятно и у тебя не возникает вопроса, зачем делать то или это. Во сне ты всегда просто знаешь, что должен, например, собрать сотню сырков, выпавших из твоего холодильника, не спрашивая себя, зачем их, собственно, нужно собирать, и уж тем более не думая о том, что ты их вообще не особо любишь. А уж задаваться вопросом, откуда такому количеству взяться в твоём холодильнике, — об этом я вообще молчу. Собственно, примеров может быть миллион: тебе надо убежать или спрятаться, даже если никто за тобой не гонится, украсть что-то из опустевшего вдруг до полного безлюдства магазина или приютить у себя под кроватью малайзийского крокодила и так далее...

Чего только не происходило со мной по ночам, и я никогда не интересовался: почему, откуда, зачем? Вот и сейчас я просто знал: она пришла ко мне, ей надо что-то сказать, и пока я сам этого не позволю, у нее фиг что получится! И все это потому, что она в данный момент на моей территории.

Подобные умозаключения крепко сидели в моей голове, деваться от них было некуда, да и не хоте-

лось, если честно. Чего я действительно желал, так это умереть прямо в этом грешном вагоне, и пусть мое ментальное тело навсегда останется с ней, хотя бы ради простого разговора.

Весь этот расклад я осознал за долю секунды, интуитивно захотелось «разрешить» ей разговаривать. Мне даже не надо просить об этом вслух, необыкновенно мощное желание овладело мной: я дико хотел услышать ее — и точка!

Улыбка на лице девушки сама по себе стала наградой за мою сообразительность. Но то, что случилось потом, было похоже на какое-то дурацкое кино.

— Я ЖДУ ТЕБЯ!

Голос гремел возле моего уха. Я так сильно вздрогнул, что нехило ударился головой о поручень слева. Рядом сидевшая тетка разговаривала по мобильнику, хотя судя по тому, как она надрывала голосовые связки, разговором это назвать сложно. Связь-то в подземке никакая, ясное дело.

Скучающие пассажиры тут же оценили ситуацию. Одни откровенно веселились, хихикая и подталкивая друг друга. Другие с любопытством пялились на меня и на женщину. Кто-то вежливо отвернулся, пряча нескромную улыбку, готовую в любой момент перерасти в веселый гогот. Уж этот, последний, точно хорошенько проржется, когда выйдет из вагона, с такими всегда так.

Мой ставший уже на сто процентов любимым морок растаял. А виной всему невежественность некоторых особей относительно связи в местах, находящихся на доброй сотне метров под землей:

так уж сложно было ей подождать и дать мне маленький шанс?

Не в этот раз, парень.

Все кого-то ждут, и они приходят. В реальности проще: тут можно добраться из точки «А» в точку «Б» на поезде к любому человеку. Но не ко мне. Ко мне прийти невозможно. Моя реальность не здесь, и называется она совсем другим словом... а сны в итоге остаются просто снами.

Поток людей хлынул из вагона. Огромная серая масса без единого шанса на проблеск надежды спасти свои души и прожить жизнь стоящую и настоящую, без суеты, без назойливой погони за материальным благополучием. «Господи! — взмолился я, — на что мы тратим свою жизнь?»

Ответом мне была тишина и легкий перестук колес поезда.

Мечты... остаются в далеком детстве. Их убивают самые близкие люди. Порой это отцы, иногда братья и сестры. Нам говорят: пора на работу! Убеждают: нужно учиться, хоть как-нибудь. Нам обязательно напомнят после двадцати пяти о том, что пора бы завести семью.

Но так ли уж нужно учиться ради того, чтобы получить «корочку»? Или работать где придется ради пропитания? Или жениться, потому что пришел твой срок? В их понимании — несомненно! Ведь наши предки жили по устоявшимся правилам, передающимся от поколения к поколению много лет. Они закалились и пребывают в уверенности: хорошо там, где тепло и есть стабильный доход.

Так ли это?

Наверное, так. Они ведь прожили дольше нас, им виднее. В конечном счете, все их советы продиктованы заботой о нашем благе, и в них есть своя доля правды. Но тогда почему мне постоянно что-то не дает покоя? Каждый раз, выходя на улицу, сложно пустить в свою голову другие мысли.

Так вышло, что я из потерянного поколения, без «культурной прививки», которую мог бы получить, родись при социализме в СССР, а не в новой зарождающейся России в годы, когда, по сути, никто не знал, в какую степь двинет страна. Не только я — все мое поколение выросло на почве неизвестности. Она в наших сердцах, мы шагаем, не зная, чего желать в жизни.

Скорее, скорее выйти отсюда. Убежать от этого потока пустых лиц. А может, и не пустых, может, это как раз я пуст? Большинство в отличие от меня видят, куда идут, у них есть вполне реальные цели! Они зарабатывают на машины и квартиры, кто-то станет миллионером или что-нибудь изобретет, например, какое-нибудь средство для мытья стекол или супералгоритм, который позволит определять, куда пойдет цена на валютном рынке. Они испытывают тягу к этому, непонятное лично мне стремление к благополучию, а я — лишь омерзение. Зачем нужны все эти вещи, к чему много денег, что с ними делать? Приумножать? А в чем смысл? Замкнутый круг, из которого не выбраться. Механизм выживания внутри меня сломался давным-давно, если он вообще когда-то был.

Не приспособленный к бытию, но и не испытывающий тягот жизни. Снабженный в дорогу в будущее

родительской мечтой и не ведающий своего пути, не стремящийся к достижениям, не участвующий в этой тотальной гонке за богатством, на которую обречены все с рождения. Одно сплошное «НЕ» — вот он я. Вечно колеблющийся, в состоянии вечной неопределенности. Может, это какая-нибудь цыганка наслала на меня проклятие за то, что поленился достать мелочь из кармана? Если так, то прости, пожалуйста, денег мне обычно совсем не жалко, видно, в тот момент было скверное настроение. Ну не хотелось мне протягивать свою пятерню, чтобы нагадали удачу и полные штаны счастья.

Как-то удручающе действует на меня подземка: слишком много людей, слишком много мыслей. Думаю, кто-то со мной в этом непременно согласится.

Моя работа в пятнадцать минутах ходьбы от станции метро. Как раз успею проветриться после нахлынувших мыслей. С такими к начальнику нельзя, он вообще не любит скрытных и молчаливых. А я, несомненно, из их числа, только маскируюсь, как могу. Но иногда, дабы не казаться белой вороной, все-таки приходится себя пересиливать и, скроив улыбающуюся физиономию, трепаться с коллегами на какие-нибудь лишние всяческого смысла темы. А то ведь кто словечко замолвит перед начальником, когда в следующий раз я решу завести свой зеленый будильник?

Скажу честно, мне совершенно наплевать, кто и как провел свои выходные, на какие концерты ходил или с кем переспал, как пресловутая Олечка из нижнего отдела. Ну хочется непритязательной

Оле спать со всеми подряд! Так ведь половине мужского населения тоже хочется жить, как она, разве не так? И поведение любвеобильной девушки вовсе не повод тут же выдавать низкопробные клише. С такими, как она, нужно либо играть по их правилам, либо трепать себе нервы до скончания века: их в любом случае абсолютно не волнует душевное равновесие «партнера по танцам». Но в задушевных разговорах среди нашего брата все происходит иначе: все бабы у нас становятся нехорошими, а во всем мире царят горе и уныние.

Увы, барин, сами виноваты.

Однако мало кто разделяет мои взгляды в отношении свободы другого индивида. И стоило разок заикнуться по этому поводу, как тут же пол-отдела скосили на меня глаза и поставили «игнорировать» в настройках своего мозга. Но меня это ничуть не поколебало, я парень стойкий: ко всем недовольствам толпы, направленным в мою сторону, отношусь легко и с улыбкой. Ну не хотят люди мудреть — хотят играть в «Санту-Барбару», что тут сделаешь?

Олечка давно уже стала в нашем отделе легендой, и все планерки начинались с азартного обсуждения новых успехов на любовном фронте этой девчонки, а не с анализа финансового состояния фирмы. Это был хитрый тренинг по плавному вводу в ритм трудовой деятельности, придуманный нашим шефом.

В своей короткой жизни я уже успел попробовать все, что делали мои коллеги по несчастью, то есть работе, повторять смысла не вижу. Кафе, бары, рестораны, ночные клубы и злачные места, концерты органной музыки и скрипки, — в общем, от заня-

тий, разлагающих личность до уровня задрипанного маргинала, до, наоборот, прививающих высокие нравственные устои, — все было не то. И даже пара подобных Олечек в моей жизни тоже была: первая разбила мне сердце, зато со второй было чертовски весело — как мне, так и ей. Такое счастье длилось до тех пор, пока я не встретил Настю, свою нынешнюю девушку.

Наверное, я слишком впечатлительный. Мой интерес ко всему новому настолько велик, что захлебывается в самом себе и ни малейших признаков возвращения к жизни затем не подает. Это можно сравнить с желанием наесться всякой всячины: вот ты покупаешь себе торт весом полтора килограмма, добавляешь к нему копченой колбасы и дешевого пива, уничтожаешь это произведение искусства в одну рожу, тебя дико вертит над унитазом — и все, больше повторять потом как-то не хочется.

Если бы и было в этом мире что-то стоящее, то оно явно никуда бы не делось после первого проявления моего любопытства. А так, увы, все, что мне сейчас требуется, — это спокойная прохладная ночь и куча приготовленных ею для меня сновидений. Ничего большего и желать не могу, только дрыхнуть без задних ног и наблюдать за притаившимся в темноте волшебством.

Владимир Альбертович, мой шеф, снимал для офиса два этажа в высотном здании. Его фирма занималась разработкой систем канализации и воздухо-снабжения элитных построек. Раньше я и не подозревал, что вокруг так много элитных построек,

но заказы каждый раз откуда-то брались. Виной тому то ли Толик из отдела продаж, то ли сомнительные связи шефа. Сдается мне, что первое — наиболее правдивый вариант. Толик парень талантливый, надо сказать, но на сами продажи ему класть большой корнеплод семейства крестоцветных. Как-то он мне признался, что все, что его привлекает, это цифры, а что за ними стоит — неважно. Мне кажется, он слегка лукавит, но копать в его пристрастиях резона нет: такие поиски до добра не доводят. Пару раз уже обжигался и решил, что единственный предмет исследования потаенных желаний души — это я сам.

Каждый, кто попадал в нашу компанию, при приеме на работу выслушивал историю ее основания — дело всей юности многоуважаемого Владимира Альбертовича. Почти получасовая лекция заканчивалась на трагической ноте: «А потом были предательство, измена, и я понял, что нужно брать все в свои руки. Так и возникла моя компания, и до сих пор все идет как нельзя лучше». После подобной речи я и сам впал было в транс глубокого уважения к боссу, но, слава Богу, этот гипноз быстро улетучился, и я сразу въехал, что тут к чему.

Несмотря на все мои опоздания, меня не увольняли. Все проекты, которые поручались моему отделу, я сдавал в срок, и даже неделей раньше, чем было прописано в договоре с заказчиком. Шеф получал неплохие чаевые за мою расторопность, но делиться ими отнюдь не стремился. Честно говоря, все, чего я хотел от этой работы, — так это поскорее свалить и добраться до дома. Стабильно четыре раза в неделю возникали причины, по которым я, несомненно,

должен был уйти пораньше.

«Все сделано, идем с опережением, — с достоинством произносил я, когда требовалось слинять, а потом проникновенно добавлял: — Вы меня поймите, Владимир Альбертович, у друга заболела дочка, надо забрать из садика». Он, конечно же, вспоминал о жене друга, но та тоже быстро отметалась, сраженная неизлечимой болезнью. И если бы шеф был повнимательнее, давно бы понял, что все мои знакомые — самые невезучие ребята на планете, а некоторые так вообще умирали по два, а то и три раза.

Вхожу в офис ровно в тринадцать ноль-ноль. При взгляде на часы под ложечкой как-то начинает сосать: своего рода наказание за нерасторопность. Ох, не нравится мне эта цифра, не к добру.

Наш офис — это настоящий шедевр архитектуры: огромный квадрат, площадь которого заставлена многочисленными столами и стульями и в некоторых местах разделена стеклянными перегородками, чтобы можно было хоть как-то различить, где сидит один тип планктона, а где другой.

Ладно-ладно, на самом деле, эти стеклянные перегородки были четкой границей, отделявшей дизайнеров от проектировщиков. Над всем этим великолепием царил строгий надзиратель. Он существовал не только для того, чтобы решать мелкие бытовые проблемы типа зависшего компьютера, но и иногда вставлять хороших пистонов тупому офисному сообществу. В общем, он был моторным маслом, а мы послушными шестеренками, звали его Сергей Анатольевич. Для меня просто Серега.

Ума не приложу, как это получилось, но нас свела

взаимная тщательно скрываемая ненависть к этому месту. Все произошло, когда после моего десятого опоздания, из-за которого Сереге вклеили выговор и срезали зарплату, мне пришлось поговорить с ним тет-а-тет. Я, конечно, не прижимал его в темном углу, где стоит ксерокс, вовсе нет! Боже упаси нарываться на коренастого мужика сорока пяти лет, отслужившего, как мне кажется, в космическом десанте и имевшего, ну точно, какой-нибудь дан по боевому искусству.

«Черт, да он под пиджаком кимоно носит с тремя черными поясами», — как-то услышал я от одного из коллег, которому досталось.

Да, Серега умел уничтожать взглядом, раздувая вены на лбу под отполированной лысиной. Его следовало уважать и опасаться. Мне каким-то чудесным образом удалось изложить свою позицию так, что он понял суть, и мы стали вроде как на «ты». Точнее, это я решил, что теперь буду на «ты» с ним, а он не стал опускаться до такой фамильярности и обращался ко мне, как и прежде. Однако при встречах я видел в его глазах хорошо скрываемый огонек уважения и понимания.

Так вот, после какого-то там очередного моего опоздания и выговора ему по этому поводу мы пересеклись в нашей кофейной. Я, недолго думая, выложил все, что накопилось в моей грешной душе:

— Сергей Анатольевич, — начал я, сразу взяв быка за рога, — мне известно, что вам сделали выговор и даже наложили штраф. Предлагаю вычесть из моей зарплаты эту самую сумму и отдать ее вам.

И он тогда снисходительно мне ответил:

— Остынь, парень. Раз ты сам ко мне подошел, я не стану сердиться, просто больше не совершай таких подвигов, понял? — и развернулся, чтобы уйти. Но я был непоколебим и нахален, как Ахиллес перед царем.

— Зарплаты, урезанной до невозможного, вам, скорее всего, будет маловато, а ее урежут именно потому, что я собираюсь совершать свои подвиги и дальше, — лицо мое лучилось безмятежной улыбкой, и, наверное, он подумал, что я либо дебил, либо слегка тронутый.

Тогда-то я и заметил, как вздулась одна из его легендарных вен на лбу, казалось, она стала толщиной с мой палец. Но я выдержал его взгляд и не дрогнул, даже когда мы смотрели друг на друга в упор. Он с интересом разглядывал мою физиономию, пытаюсь определить во мне то ли недалекого тупицу, то ли, и сказать-то страшно! серьезного мужчину.

— Совершенно ясно, что наш шеф уволит меня, если вы передадите ему наш разговор и мое намерение. Хотя вам в итоге тоже грозит очередной выговор: вы же у нас полутренер-полунадзиратель, и в ваши обязанности входит следить за моральным состоянием сотрудников фирмы. А если последуют репрессии... ну, сами понимаете, что тогда начнется: проекты вовремя никто сдавать не будет, все покажется к чертям. Этого лучше не допускать, верно? — я знал, что попал в самую точку.

Здоровяк молча ждал продолжения, однако я не собирался его унижать, а вместо этого сказал правду:

— Ненавижу эту работу, да и вообще любую другую. И не потому, что я лентяй: все мои проекты сдаются порой на несколько недель раньше, за что шеф получает определенные дивиденды, — я выдержал паузу, чтобы он уяснил сказанное, и подвел итог: — В общем, в моем взгляде на мир все не очень хорошо: меня окружают совсем не те люди, у меня не та работа, не те стимулы и не та мотивация... И эти убеждения настолько глубоко сидят внутри меня, что даже такой мужчина, как вы, их клещами оттуда не выдернет. Поэтому беру на себя полную ответственность и буду всячески вас выгораживать в случае моих проколов перед шефом.

Сергея молчал.

— Не надо благодарности, — благодушно заявил я, поражаясь своей наглости, — я делаю это для своего удобства, но в него входит уважение к чужому выбору. Вот и все. В целом мое пребывание на этом месте будет сводиться к нулю, медленно, но будет. При этом начальник наверняка продолжит получать свои дивиденды, а если вдруг я не справлюсь, то попрошусь в бессрочный отпуск. Понимаете, у некоторых людей очень жесткие рамки: либо мало работаешь, но весьма продуктивно, либо принудительно много, но в таком случае лучше сразу уволиться, потому что продуктивно никак не получится.

Все-таки он смог тогда проникнуться неким пониманием, а может, просто-напросто вспомнил хорошее правило «восемьдесят-двадцать»: только двадцать процентов рабочего времени ты действительно продуктивен, а все остальное время бьешь баклуши, как-то так. Тем не менее этот невероятный

лысый громила дружески хлопнул меня по плечу, так что я присел, и благожелательно сообщил напоследок: «Ты можешь брать эту самую ответственность на себя, но если окажется, что ты, идиот, водишь меня за нос, — лично приложу ногу к твоему заду, когда тебя будут вышвыривать, понял?»

Я понял. На том и порешили.

Вот такой странный разговор может приключиться, когда смотришь на мир не так, как принято. А вот как смотреть на человека, который приходит на работу, когда ему вздумается? Отвечаю: никак не надо на него смотреть, а если и бросать взгляды, то только восхищенные! В перерывах, конечно, можно подходить и осведомляться насчет моих волшебных могущественных фокусов, которые не может раскусить почтеннейший начальник. Но обычному офисному планктону не понять моих способностей, все, что он может, — всячески выказывать негодование и шептаться за спиной: «...мол, какой негодяй, делает что хочет, и его никак не выкинут, а ведь мы тут ПРОЕКТИРУЕМ, а не картошку чистим».

Невелика разница.

Этим нехитрым процессом — распространением сплетен — как раз и занимались Лена с Ирой. Они принялись за дело именно в тот момент, когда я подошел к своему столу и, взяв листок, начал разбирать корявый почерк сами можете догадаться кого.

Вот скажите, где справедливость? Эта парочка до самого обеда перемывала мне кости и пила казенный чай, работой тут и не пахло: на экране монитора был свернут пресловутый пасьянс, любимейшая игра всех секретарш на планете. А наказывать сейчас

будут меня. Хоть бы игру посерьезнее установили, ну, «Героев меча и магии» хотя бы. Отличный выбор, кстати, я бы тут же с ними подружился. Ничто так не выделяет девушку из толпы, как мужские предпочтения. Heroes M&M были как раз тем самым мужским развлечением, а редкие лица женского пола, играющие в них, — исключением из правил, как мой любимый зеленый будильник. Кто с такими захочет расстаться? Правильно, никто!

В записке не было ничего для меня неожиданного, просто шеф вызывал на ковер, как только я соизволю приволочь свою задницу на положенное ей место. Задница обязана появляться тут пять раз в неделю с девяти до семи в соответствии с трудовым договором. Именно по этой причине я получаю зарплату и невесть какую страховку.

Полагаю, о ее содержании уже знал весь отдел и даже успел сочинить пока еще несбывшуюся массовую фантазию. «Ну и ладно», — обреченно подумал я. Стряпаю на своем лице ослепительную улыбку и направляюсь к двери кабинета шефа. Последний, кстати, был полностью изолирован от посторонних глаз, вот где точно кто-то мог откипать после веселого вечера!

Шеф сидел в кресле, которое походило на офисное разве что очертаниями: богатый деревянный табурет из качественной кожи с инкрустированными в некоторых местах элементами дерева и удобными подлокотниками. Наличие мягких бесшумно движущихся колесиков делало его незаменимым при катании из одной стороны в другую, так как исключало появление царапин на паркете, чем шеф актив-

но грешил время от времени. Почти половину кабинета занимал большой стол из красного дерева и зеленого сукна.

Что-что, а размахнуться мы любим, и пыль пустить в глаза тоже любим.

В святая святых царила атмосфера кабинета Дона Корлеоне, где он только что обсуждал с партнерами очередной план по отмыванию кокаиновых денег и раздавал приказы о ликвидации неугодных ему конкурентов. Хотя в основном эту атмосферу создавали осипший голос и жесты шефа — ими сейчас он только и мог пользоваться.

Владимир Альбертович мягко указал рукой на кресло рядом со столом.

Я сел.

В целом шеф не выглядел сильно расстроенным по поводу моего отсутствия. Это немного обнадеживало, может, дурное предчувствие развеется, как миф?

— Добрый день, Илья, — прохрипело чудовище.

Голос был сильно надорван.

Шеф, видимо, победил вчера в караоке всех своих событульников, — сообразил я, но вслух интересоваться не стал. Вместо этого вежливо произнес:

— Здравствуйте, Владимир Альбертович.

Выяснить подробности вчерашнего пока, на мой опытный взгляд, рановато, посочувствую позже, сначала надо узнать, в чем дело.

К слову, о деле: шеф слегка впал в прострацию и начал копаться в стопке бумаг, как будто совсем забыв, что вызвал меня. Наконец закончил рассовывать кучу бумажек по ящикам стола, так что в резуль-

тате остался только один листок — его-то он и протянул мне.

— Илья... кхе-кхе... — закашлялся шеф, — к нам в отдел пришла разработка новой программы по проектированию.

Какое чудо-чудное, и откуда же это она пришла!? Я начал изучать содержимое листика.

— И вы хотите, чтобы я ее освоил? — читая, полутвердительно-полувопросительно поинтересовался я.

Возможно, линчевание за опоздание откладывается на неопределенный срок. Ему, конечно, могли нашептать что-то ужасное недовольные мира сего (читай, мои коллеги), поводов было более чем предостаточно, но волновало меня не это: вся моя тревога сосредоточилась на этом белом листе. Мне совсем не нравилось содержимое этой краткой сводки о новой гениальной программе.

— Нет, наши специалисты хорошо ее изучили, — говоря о неких квалифицированных мифических существах — «специалистах», Альбертович явно перегибал палку. Ха, специалисты! Это какие же? Кроме меня и еще двух человек, никто не успеет за такое короткое время и пальцем о палец ударить. Нижний этаж постарался!? Странно. Ну да ладно, хватит размышлять, а то заражусь головной болью, уверен: она может передаваться мыслительно-ментальным путем, когда рядом сидит начальник с похмелья.

— Тогда что вы хотите от меня? — робко спросил я, тем самым взяв быка за рога. Чего тянуть-то?

— Понимаешь, она настолько эффективна, что

значительно сокращает время проектирования благодаря эффекту программируемых шаблонов, — вдохновенно выговорил Владимир Альбертович.

Тут надо немного пояснить: предполагается, что с помощью так называемых шаблонов проектировать сможет каждый примат с образованием девять классов. Что до программы, шеф имел в виду сырые разработки одной древней идеи. Я был в курсе подобных разработок, да и об этой как-то читал. Не было у нее потенциала, ну никак не было! Шеф думает, это просто, — как бы не так! Шаблонами может управлять действительно любой, но гибкость достигается за счет одного очень дорогого спеца, который должен состоять в штате.

Схема такая: спец программирует шаблон под задачу проектировщика, а последний уже просто таскает этот кусок кода по экрану, не прилагая особых усилий, как в обычном редакторе. Шаблоны, иначе говоря, цельные куски проекта, поддающиеся программированию лишь на очень глубоком уровне. Спецы с такими познаниями давно свалили в Америку. Поэтому это палка о двух концах: с одной стороны, очень просто, а с другой — полная задница. И шеф хочет запустить это у нас? По-моему, он уже давно не смыслит в проектировании. Бедный безумный старик! И все-таки он не мог не знать о проблеме качественного специалиста, а значит, произошло что-то из ряда вон выходящее, что заставило Альбертовича идти на такой риск.

— Вследствие чего, — продолжил шеф, — трудовой процесс становится менее продолжительным.

Вот так. Несмотря на мою информированность

об этой программе, я молчал, ну да, разозлился немного. На мой взгляд, это настолько сырая бета-версия, что ее не стоит пока запускать нигде. Но суть разговора мне уже была понятна: на листке под сводкой о программе на самом деле прячется бланк на увольнение.

И все-таки я не удержался: искренне пожалев старика, намекнул, что это, мол, большой риск. Очень, блин, большой. Сочувствие во мне проснулось, что ли... как-то не вовремя. Шеф поднял глаза — все он знал, этот старый боров, и его что-то заставляло это делать!

— Илья, буду говорить с тобой начистоту, — дело явно шло к кульминации! — я собираюсь тебя уволить. Ты ценный специалист, но больше тут не требуешься. Скоро запустится еще один проект, и, возможно, тогда...

Пришлось прервать его. Мне были не нужны пустые обещания, дабы сгладить неловкость.

— Где подписать?

К чему долгое тягостное прощание с нелюбимой работой!? Этот удручающий процесс должен занимать конкретное время: ровно столько, чтобы психика успела пошатнуться и на образовавшемся поле скорби и уязвимости дали ростки первые сильные эмоции. А дальше путь у каждого свой: кто-то погружается в пучину ненависти и злобы, обещая себе, что станет миллионером и проглотит эту чертову компанию — всех уволит, а бывшего начальника заставит переселиться в трущобы. А кто-то впадает в тягостное переживание относительно своего будущего. Этот последний будет страдать еще неделю, ну две

от силы, пока раны от нанесенного ему оскорбления не затянутся и он не найдет новую работу, где станет жаловаться на то, как же ему было хреново раньше. В общем, мысли относительно великого «ПОТОМ» рождаются в этот момент у всех без исключения.

Конечно, я тоже попадал в эту статистику. Но, заранее зная оба варианта развития событий, обрадовал третье сословие: тех, кто просто принимает случившиеся. Ни больше и ни меньше.

Мысли о неизбежном бизнес-величии и, наоборот, о том, что стану маргиналом, улетучились, как только ноги вынесли меня из кабинета бывшего начальника, т. е. чрез две секунды после подписания заявления. Еще пакуя в коробку вещи, я уже пребывал в ощущении блаженной свободы от забот и необходимости заводить свой зеленый будильник.

Когда сборы были закончены, а длились они не более минуты, ко мне подошла Ася. Робкая и милая девушка питала ко мне теплые чувства. Она была единственной в этом треклятом офисе, кому я действительно был не безразличен. У этого тихого счастья было, несомненно, море достоинств, но я почему-то не хотел пускать его в свою жизнь. Наши беседы всегда сводились только к разговорам: милым для меня и душевным для нее. Ей, похоже, вполне хватало и этого.

— Вас увольняют не просто так, — шепотом произнесла она.

— Разумеется, я очень плохой специалист, — абсолютно серьезно пошутил я. Она, конечно, приняла все за чистую монету. Я тут же почувствовал себя настоящей скотиной, и мое лицо приобрело

болезненно-скорбное выражение. Бедное наивное создание, как много она будет страдать в жизни, пока однажды не встретит того, кто разделит ее уютный мирок.

— Нет! Это не так, — она гневно сжала свои маленькие кулачки и даже осмелилась повысить голос громче обычного! — Просто... просто ходят слухи, что Владимир Альбертович сильно проигрался на прошлой неделе в казино.

Ага, так вот оно что. Рыба гниет с головы. Старый боров, значит, продул кучу денег в казино и теперь ищет путь к спасению в своем бизнесе. Что ж, он нашел его во мне.

— Вы бы тоже об этом знали, — говорила Ася, — если бы не были так задумчивы и, как всегда, не обращали ни на кого внимания. Весь окружающий мир как будто вас не интересуется.

Я молчал.

— Знаешь, Илья, — Ася опустила взгляд и впервые обратилась ко мне на «ты»: — Ты словно с другой планеты. Не знаешь, где твой дом, и будто пытаешься найти его в своих мыслях.

На секунду мне показалось, что ее доброта способна убить мое сердце: так близка от истины она была в своих казавшихся мне опасными рассуждениях.

— Беги из этого змеиного притона. Беги отсюда скорее. Тебе здесь не место! — Я был настолько взвинчен, что, схватив ее за плечи, резко выговаривал слова ей прямо в лицо.

Она сжалась в комочек, но не потупилась. Мне хотелось, чтобы Ася поняла сейчас все, что я ей гово-

рю, и послушалась. Отчего-то я был убежден в своей правоте, думал, что мне виднее и я могу решать за нее. Но все-таки хватило ума сообразить — это неправильно. Каждый сам должен решать и выбирать — точка! В этом есть хоть какая-то свобода. А свободу эта девушка заслужила.

— Ты просто расстроен, — в ее глазах начали собираться слезы.

Вот только этого мне не хватало. Все-таки настоящее прощание состоялось с ней, а не с кем-либо еще! И как же тяжело и горестно мне от этого стало, с ума сойти! Я научился защищаться от пустоты, гнева и боли и полагал, что уйду отсюда, так и не взрастив на своем поле разочарования никаких глупых мыслей. Однако на нем вырос дивный цветок, сотканный из доброты и сердечности этого чудесного создания, — доброты, которая тоже может стать одним из тяжелейших уроков жизни.

— Нет, я счастлив, что так случилось, — мне тоже пришлось повысить голос, хотя понимал, что сейчас все уставятся на нас, — плевать. — Ты слишком хороша для этого места, поняла? Но решать тебе, прощай, Ася. И спасибо, что заботилась обо мне, не думай, что я этого не замечал.

Я приблизился и поцеловал ее в самый уголок губ. Так целуются любовники, но мы ими не были. Что я действительно любил в ней, так это ту самую загадочную прозрачную субстанцию, о которой вам расскажет любой священник.

Это видел весь отдел. Теперь у змей появится новый повод для сплетен, уже через пару минут они придут к выводу, что мы регулярно спим вместе. Ох

уж и достанется теперь Асе. Можно лишь надеяться, что этот мир будет к ней чуточку добрее хотя бы на одну сотую той доброты, какая есть у нее.

Я горячо попросил у невидимого божества, чтобы так оно и было. Божество не ответило, как всегда.

Лифт стоял на этаже, готовый в любую секунду распахнуть свои двери перед всеми желающими.

— Не сегодня, приятель, и вообще, больше никогда, — буркнул я себе под нос, огибая его по широкой дуге.

Сейчас нужно пройти пешком. Тесные помещения не способствуют лучшему выходу накопившихся мыслей. Я так быстро преодолел все одиннадцать этажей, что не заметил последнего шага, отделившего меня от этого здания раз и навсегда.

Неподалеку в парке обнаружил скамейку, присел, поставив коробку с вещами рядом. Нет, мне не было грустно, даже наоборот — чувство свободы накрыло меня с головой. К тому моменту, как мысли успокоились окончательно, в сознании воцарилось то самое равновесие, когда не существует ничего, только блаженная пустота и отсутствие всяких забот. Можно сказать, что мне как-то удалось впасть в медитацию. И в этот счастливый миг меня вернул к действительности невероятный запах: пахло не распустившимися цветами и не деревьями — это был один из тех захватывающих, редких ароматов, что дарят особое, немислимое наслаждение. Так бывает, если вдруг удастся почувствовать что-то в высшей степени приятное: запах-воспоминание, запах-намек на давно-давно случившееся и успешно забытое. Вот эта смесь ощущений и образует аромат, очень похожий

на тоску по забытому переживанию, которое никак не удастся вспомнить.

Я тщетно пытался раскопать среди хлама в кладовых памяти это воспоминание. Мне просто необходимо было узнать, когда и где родилось это чувство, из какой вселенной оно добралось до недр моего сознания.

Перед глазами возник образ пронзительно голубых глаз, которые постепенно наливались синевой. Я мысленно отодвинул образ подальше от себя и увидел, как черные волосы красиво обрамляют продолговатый овал смуглого лица.

«Я жду тебя...» — раздался тихий шепот существа в моей голове.

Мне важно было узнать, где она меня ждет и как мне туда попасть. Да, попасть нужно именно мне, потому что существо уже выполнило свою часть работы, теперь настала моя очередь.

Но, черт возьми, это всего лишь сон, каких я видел тысячи, и большую часть из них помню. Ни разу мне не удавалось прийти к чему-то подобному. Так зачем наваждения до сих пор преследуют меня, ведь они всего лишь продолжение подсознания, олицетворение несбыточных надежд.

«Нет, Илья», — все еще пребывая в медитации, слышал я мысли, свои или не свои, звучавшие в голове. Я лишь позволял им это делать. Так легко услышать сейчас, что творится внутри на самом деле. Просто потому, что все ненужное отсутствует: кажется, что этот момент бесконечен, в нем нет ни смерти, ни жизни, всего лишь сам факт непрерывности на любом отрезке времени.

А затем посреди блаженной пустоты появилось видение: день, когда я пришел устраиваться на эту работу. Помню, в отделе кадров посчитал добрым знаком, что моя фамилия совпала с фамилией женщины, принимавшей заявку. Невольно стал участником этого совпадения. Сейчас, мысленно находясь в том дне, я не ощущал ни трепета перед поступлением на новую должность, ни досады от того, что работа, знал заранее, придется мне не по душе.

Я, конечно, помню, что тогда все это чувствовал и сильно волновался, но попади в фирму в таком состоянии, как сейчас, — вряд ли испытал бы дискомфорт.

Воспоминания о целой серии подобных совпадений водопадом обрушились на меня. Оказывается, они были всюду и всегда: когда учился водить машину, сдавал экзамены, когда расставался с девушкой и даже в начальных классах школы! Они являлись в том или ином виде. Например, я мог обнаружить свое прозвище, что дали друзья, в совершенно неожиданных местах: в чужих планшетах, в рекламе или на случайно подобранном с мокрого асфальта листке бумаги.

«Такое случается со всеми, — думал я, — обычное дело».

А что, если нет?

Сейчас, в нахлынувшем спокойствии, это стало озарением, инсайтом или хорошим приходом заядлого наркомана. В пустоте замаячила одна-единственная весомая мысль: нужно попробовать поискать самому, специально, пойти против своей лени и навязать себя этим совпадениям. Пусть они случа-

ются со мной, пусть я слушаюсь с ними.

Безумие.

Ну да. И что?

Кажется, весь мир смеялся надо мной. Если вспомнить, то все совпадения в конце концов приводили к полному разочарованию. Но сейчас я увидел мир под другим углом: в моменты обнаружения совпадений и следования за ними жизнь приобретала вкус. А результат, к которому они приводили, не важен. Результата вообще нет, есть только движение, процесс.

Я понял, как проведу сегодняшний день! Поскольку мир представляется скучным пристанищем, даю себе клятву: что бы со мной ни случилось — хуже уже не будет. До конца сегодняшнего дня буду бродить в поисках приключений на свою задницу и ни за что на свете не поверну назад.

Но только сегодня!

Невероятно, но как только я, подняв глаза, стал изучать сквозь проносящиеся мимо машины плакат с рекламой, мое тело растеклось по лавке в безмерном умилении от увиденного. Как назло, первое, во что уперся взгляд, была фраза, подтверждающая доводы о наличии у мира чувства юмора: лысый мужик на плакате застыл, разинув рот от удивления, а рядом призывно красовалась надпись:

«Это не сон и не просто совпадение!»

И ниже:

«Цены меньше в два раза!»

— Какая мерзость, — выругался я вслух. Испортить такой знак какими-то товарами! Значит, девушка, привидевшаяся мне сегодня уже несколько раз, была не сном, а мои размышления по поводу совпадений — здоровыми мыслями. Поразительно, неужели я настолько чужд миру?! Кто этот невидимый создатель, что смеется надо мной?

— Знай, ты настоящий шутник! — разозлился я по-настоящему.

Что ж, давай смеяться вместе. Я пойду за этим совпадением, давай сегодня сыграем по-крупному! Я принимаю правила игры и собираюсь считать это чистой правдой — цены, действительно, меньше, но тогда сон вовсе не был сном, а совпадения вовсе и не совпадения никакие, а руководства к действию. И да, то, что меня уволил тщеславный начальник, тоже правда. Ему вдруг приспело проигратъся в казино не просто так.

— А самое главное знаешь что? — все так же обращаясь к невидимому собеседнику, сказал я. — Сегодня мне довелось проснуться в момент совпадения четырех единиц, сразу после того, как она пожелала меня дождаться. А раз она меня ждет и первым, что я увидел, было совпадение, мне стоит пойти за ним, что бы это, черт возьми, ни значило.

Блаженное состояние пустоты улетучилось. Его вытеснил рациональный голос, который надрывался во все воображаемое горло: «Это глупо, парень, кончай валять дурака!»

Ну, нет, что на самом деле глупо, так это мир, в котором проигравшийся начальник увольняет тебя из-за своих долгов и собирается использовать сырую

бета-версию программы для проектирования сложных систем в надежде выбраться из случившегося с ним кризиса. А в действительности — просто погубить компанию.

Мир, до отвала напичканный заманчивыми рекламными слоганами-ловушками, завлекающими народ для обогащения компаний. Противно и мерзко, порой даже невыносимо.

Больше не хочу этого видеть.

И то ли из-за ярости, овладевшей мной, то ли из-за чего-то еще я вдруг перестал замечать сверкающие огнями торговые центры, яркие вывески и баннеры, человека, зазывно кричащего что-то в рупор, кудрявых цыганчат, пристающих к прохожим с предложением-требованием купить у них розу или газету. Не было больше лотков со всякой всячиной в виде незарегистрированных сим-карт или убойного средства против насекомых. Стало пусто, только теперь не внутри меня, а снаружи. В висках пульсировала кровь, я перестал видеть все ненужное, осталось только то, что имело отношение к моему намерению.

Вывеска впереди, еще недавно яркая, с красочными картинками, теперь содержала только несколько слов:

«Я жду тебя»

А на другой было:

«Иди за ними!»

«За совпадениями?» — спросил я у самого себя.

Голос внутри молчал.

По сути, ответ мне был и не нужен: я насытился рациональностью, которая только и делает, что заставляет сомневаться. Сейчас другой уровень — тут нет колебаний, тут только действия, и на месте стоять мне больше совсем не хочется.

Я встал и сделал свой первый шаг навстречу безумию.

13:31

Все оказалось проще простого: первой стала вывеска, на которую я обратил внимание издали, а когда оказался рядом, то увидел следующий знак и направился к нему. В таком темпе пару часов я бродил по улицам вдоль дорог, заглядывая в глубь дворов, рассматривая надписи на асфальте и все, что, как мне казалось, могло иметь отношение ко мне. Ноги постепенно наливались свинцовой усталостью, и я практически выбился из сил.

Плывать, как долго я буду играть в эту игру с миром, но сейчас мне требовалось перевести дыхание. Город выматывал быстро, мой организм не привык к такой долгой ходьбе. Я решил, что у следующего «напутствия», на которое вдруг расщедрится судьба, сделаю привал.

Им оказался магазин, то ли антикварный, то ли изотерический, а может, отчасти и ювелирный, —

по сути, мне было все равно. Рядом с ним на роскошной деревянной резной лавке сидел пожилой мужчина и курил трубку. Он был одет в кожаную темного цвета жилетку поверх белоснежной накрахмаленной рубашки, аккуратно заправленной в вельветовые штаны, которые гармонично сочетались с коричневой обувью. Подойдя ближе, я разглядел, что ботинки были чем-то средним между «казаками» на высоком скошенном каблуке и обычными классическими туфлями. Потертые и изрядно поношенные, древние, как сам старик, но еще весьма крепкие и от времени ставшие лишь ценнее. Редко попадаются вещи, с которыми происходит именно такая метаморфоза, обычно все случается наоборот.

— Простите, можно присесть рядом с вами? — попросил я. — Ноги подкашиваются от долгой ходьбы.

Голубые с точками на радужке глаза оценивающе мимолетно скользнули в мою сторону.

— Садитесь, юноша. — Старик, казалось, размышлял о чем-то важном, поэтому его разрешение присесть не было особо радушным.

Я с облегчением плюхнулся на лавку.

— У вас очень красивая трубка, сейчас редко встретишь того, кто пользуется такими вещами. Настоящая редкость!

— Спасибо, я сам ее сделал. Чаша — сандаловое дерево, мундштук из дуба, — с гордостью произнес пожилой джентльмен.

— И скамья тоже очень искусно сделана, — добавил я. — Странно, никогда раньше тут не был. Это все принадлежит магазину?

Мужчина ласково положил на скамью ладонь и едва заметно погладил.

«Так обычно обращаются с любимой женщиной», — подумал я. Его взгляд по-прежнему был устремлен куда-то вдаль. Как будто не желая выходить из своего задумчиво-созерцательного, как мне показалось, состояния, он не сразу ответил на вопрос. Задумчивость старика была какой-то особенной, она словно нейтрализовала мою и без того не слишком активную суету, сводя ее к абсолютному минимуму. Получилось так, что вслед за ним расслабился и я, сделавшись ничуть не менее спокойным.

— Возможно, — наконец медленно выговорил он и неожиданно добавил: — Живое дерево не может быть уродливым ни в каком виде.

Воцарилось долгое молчание. Я успел хорошенько отдохнуть, прежде чем он без особого любопытства спросил:

— Что вас сюда привело, юноша? Похоже, этот магазин не был вашей конкретной целью.

Я решил быть предельно честным. Конечно, был риск показаться чокнутым или чудаком, но мне не хотелось придумывать никаких логичных оправданий. К тому же дико надоела рациональная и правильная жизнь. Можно хоть разок побыть тем, кем хочется?

Конечно! Не только можно, но и нужно.

— Совпадения, — без малейшего стеснения произнес я. — Меня сюда привели совпадения.

Мужчина повернул худощавое морщинистое лицо и впервые задержал на мне долгий и пытливый взгляд. Я почувствовал, что требуется немного

дополнить свое объяснение:

— Да, именно они. Понимаете, я шел за плакатами, вывесками и всевозможной рекламой, порой слышал какие-то указывающие фразы, а несколько раз просто топтался на месте в ожидании какого-либо знака. К тому моменту, как я окончательно вымотался, меня нашла последняя вывеска с указанием, понятным, наверное, только мне. Вот она, — я показал пальцем на угол дома.

После моих слов старик вовсе не выказал желания потянуться за телефоном для вызова скорой помощи, напротив, в глазах его вспыхнули огоньки любопытства: он заинтересовался.

— Хотите сказать, что плакаты были неким ориентиром, и, дойдя до одного, вы определяли другой и шли к нему? — медленно произнес он.

Я искренне удивился. Старик не только не прогнал меня прочь, но еще и понял саму суть моего маленького путешествия. Вот это сюрприз!

— Ну... да, — запинаясь от неожиданности, подтвердил я, — абсолютно верно. Простите, вы, наверное, считаете меня странным?

Старик, похоже, в разговоре полагался на какое-то неизвестное мне правило — именно оно определяло, на какой вопрос стоит отвечать, а на какой нет. И вместо того чтобы заключить, странный я все-таки или нет, он уточнил:

— А что вы увидели на том, последнем плакате? Как поняли, что он «ваш»?

Во мне тут же проснулся живой интерес к происходящему. Этот человек, возможно, единственный из миллионов, кого могли заинтересовать подобного

рода события.

— О, это было очень просто, — воодушевился я, — последний плакат — самое интересное, что мне сегодня досталось. Но тут нужно пояснить некоторые детали: понимаете, у меня плохое зрение. Не настолько, чтобы водить машину, пользуясь очками, но все-таки далекие предметы порой сливаются в непонятные закорючки, — я вопросительно уставился на него.

Старик кивнул: понял, о чем речь. В принципе, любой человек с плохим зрением сталкивался с подобной ситуацией.

— Так вот, этот плакат довольно необычно искажился в моих глазах, и очертания слов превратились в некий рисунок.

— И что же это был за рисунок? — поинтересовался он.

— Четыре перечеркнутых линии, похожие на те, что образуют морщины на ладони.

Старик поглядел на свою руку, которой гладил скамейку, и усмехнулся.

— Я нарисовал этот рисунок, когда был совсем маленьким и не мог дать ему конкретного названия. Постепенно он стал просто моим «знаком». Ну, по крайней мере, так мне грезилось. Чего только порой люди не выносят из своего детства... — сконфуженно пробормотал я. — Это и было последнее напутствие, которое привело на вашу улицу. А потом, увидев красивую скамейку, я направился к вам. Это случилось очень кстати, потому что ноги уже не слушались.

Его мало волновала моя усталость. Что я вообще

мог знать о ней по сравнению с ним!? Он прожил на несколько добрых десятков лет больше, а раньше жизнь была гораздо труднее, чем сейчас, так что мне грех жаловаться. Не знаю, да и не хочу знать, какое впечатление на него произвел мой рассказ, — по мне, так он пахивал безумием, и это меня немного смущало.

К удивлению, старик охотно вовлекся в мою игру с миром.

— А что в таком случае вы видите сейчас? — Дикция у него была отличной: каждое слово он произносил отчетливо и неторопливо.

Я огляделся по сторонам, потом прислушался к окружающим нас звукам и не обнаружил ни одного знака. Мир молчал, а мой внутренний рациональный голос наоборот проснулся: «Идиот, ты должен искать новую работу, а не тратить время на этого старика и нелепые поиски неизвестно чего».

Пришлось глушить его всеми силами: он был со мной всю сознательную жизнь и не привел ни к чему действительно стоящему. Чем не повод задуматься о пользе якобы здравого смысла?

— Простите, — сказал я, — кроме противоречивых мыслей, в моей голове ничего нет. Видимо, нужно еще немного подождать.

— А вы не думали, что уже нашли свою цель? Возможно, поэтому мир прекратил свой диалог с вами, — проникновенно сказал старик и загадочно улыбнулся. — Зайдите к нам в магазин, может быть, следующий знак ждет вас именно там.

Сердце гулко забилося. А ведь и правда! Больше нет знаков, а значит, цель — вот она. Получается, что,

играя с миром в «угадай, куда дальше», я выматывался именно для того, чтобы присесть на скамейку именно в тот момент, когда престарелый джентльмен начнет раскуривать свою трубку.

Я беспрекословно подчинился его словам и двинулся к входу, над которым красовались огромные каменные буквы, настолько тяжелые, что смысла страховать их каким-либо крепежом не было — ни ветер, ни вода не могли бы сдвинуть их. Все это великолепие покоилось на мощной плите, которая опиралась на две каменные колонны. Наверняка каждая была со стальным сердечником внутри для прочности. И колонна, и каменные буквы на плите, и ступеньки были поистине предметами настоящего искусства, настолько естественными и незамысловатыми, что притягивали к себе взгляд без всякой рекламы. И как только я их раньше не заметил? Серые, тяжелые, высеченные из непокорного камня буквы-изваяния складывались в надпись:

«КАМЕННЫЙ ИСТУКАН»

Я поднялся на несколько ступенек вверх — тяжелые входные двери высотой более двух метров с двойным прозрачным стеклом поражали своей монументальностью. Ставни по бокам тускло поблескивали коричневым и золотым лаком, а массивные ручки из тяжелого металла, казалось, были выкованы титанами.

Несмотря на всю мощь конструкции, дверь поддалась легко: ее мог бы открыть даже ребенок. Поэтому мне, приложившему слишком большое уси-

лие, пришлось ее слегка придержать, чтобы не пострадали витринные стекла. Сомневаюсь, правда, что их вообще можно было разбить — стекла явно были ударопрочными, но все-таки в магазин попал с ощущением некоторой неловкости в душе.

Три длинные ступени передо мной по форме напоминали половину шестигранника: широкие доски преломили дважды, так что они, образуя четкие углы, обступали посетителя полукругом. Завершался этот величественный подъем широким пространством пола, покрытого кедровым лаком.

Внутри магазин удивительно четко делился на два хорошо просматриваемых этажа и выглядел как поместье богатого графа из далекого прошлого. А может быть, это и было то самое поместье из древности, просто хорошо отреставрированное!? Все наиболее важные места освещались приятным теплым светом с желтоватым оттенком; любому посетителю сразу становилось ясно, где какой располагается товар, куда ходить можно, а куда нельзя.

Продолговатые потемневшие от времени витрины с прозрачными, словно горный хрусталь, стеклами как магнитом притягивали взгляд, а старинный, удивительно крепкий, затертый множеством ног деревянный пол служил надежной основой для всех этих чудных стоек и витрин, резной мебели и журнальных кованых из тугого металла столиков. Светло-коричневая лестница плавной спиралью поднималась на второй этаж: ее перила, с любовью созданные знающим свое дело мастером, старательно отшлифованы и покрыты лаком. Все, абсолютно все здесь было расположено на удивление грамотно:

смотреть на витрины могли одновременно хоть сто человек, и никто бы никому не помешал. Это была настоящая обитель камня, дерева и железа. И едва ступив в нее, я почувствовал, что мой дух стал покорным заложником «Каменного Истукана».

Самым главным среди всего прочего в этом храме искусства, несомненно, был огромный деревянный обелиск высотой около трех метров. Он занимал центральное место и сразу бросался в глаза. Табличка на нем гласила:

*«Мир — есть алфавит.
Судьба дарит свободу.
Тот, кто научился разучиваться, —
первым придет к просветлению»*

Ниже шли имена творцов этого здания:

*Йозеф К. Лукьян Райс
Дата возведения здания: 1934
Дата окончания отделки: 1943*

Невероятно, но даже отделка, пережившая многие десятилетия, сохранилась с тех времен! Всего лишь два человека построили это здание: один был мастером по камню и железу, другой по дереву. О первом я никогда не слышал раньше, зато Лукьян Райс был известен как человек необыкновенный. Я слышал одну из историй его жизни: «Однажды владелец богатого загородного отеля пригласил нескольких мастеров, чтобы они продемонстрировали важным гостям свое искусство. Среди них был

Лукьян Райс. Все мастера с немислимой легкостью создавали свои деревянные изваяния, в итоге каждый сделал по несколько штук. Они были прекрасны и могли украсить собой любой дворец. На эту работу ушло две недели. Гости каждый день приходили смотреть, как рождается что-то новое, и только у Райса к концу второй недели была в работе лишь одна статуя: трехметровый деревянный голем с множеством мелких деталей, которые встраивались в основную конструкцию. Видны были маленькие шестеренки, какие-то прочные проволоки — никто из мастеров такое не использовал.

Поскольку Райс, все время возившийся со своим големом, за две недели так и не показал себя, его посчитали бездарным художником, но все-таки решили не выгонять, потому что до конца выставки оставался всего один день. И вот в последний день гости пришли напоследок полюбоваться работами мастеров. Райс в задумчивости спокойно стоял около своей статуи.

Среди шумных зрителей был владелец отеля с юной дочерью.

Когда он подошел к Райсу и снисходительно поинтересовался, закончил ли тот свое изваяние, Райс тихонько шепнул: «Отойдите, пожалуйста», — и ушел за спину своего голема. Он забрался почти на самый верх, но этого никто не видел, потому что гости начали уже расходиться: их интерес к выставке пропал.

Хозяин отеля окончательно решил, что этот мастер более чем чудаковатый и он его больше ни за что не пригласит. И в этот момент голем вдруг

ожил и начал двигаться: тощая рука гиганта потянулась к его дочери, та вскрикнула и, обомлев, застыла как вкопанная. Все повернулись на крик, воцарилась тишина.

Голем, повинувшись воле Райса, легонько дотронулся своими деревянными пальцами до лица девушки — так любящий человек касается своей избранницы. Но вдруг рука голема начала рассыпаться: сначала на землю упали пальцы, потом кисть и предплечье — невероятно сложная конструкция на глазах изумленных зрителей доживала свою короткую жизнь. Затем с трехметровой высоты своего роста голем с грохотом обрушился на скрипучие деревянные колени, его голова накренилась вперед, увлекая за собой массивное туловище: изваяние окончательно подчинилось законам гравитации. Лукьян Райс ловко оттолкнулся, когда голем завершал свое последнее движение, и, спрыгнув рядом с изумленной девушкой, сказал, глядя ей в глаза: «Это — мое искусство, и оно не такое, как все остальное в этом мире. Моя картина живет лишь мгновение. И это мгновение можно оценить, только если ваш разум пуст: в этот момент вы становитесь бесконечны. Вокруг вас больше ничего не существует, ничто не тревожит ваш разум, вы можете спокойно наблюдать. Только в этом случае вы не упустите».

Вот такая история. Говорят, потом кто-то кричал, что ничего не увидел, а кто-то вообще списал это на провал мастера: мол, голем и вовсе не должен был упасть. Но я уверен, что Райс выполнил свою работу до конца, а тот, кто придумывал гипотезы, всего лишь в очередной раз упустил.

Незнакомый голос заставил меня вздрогнуть от неожиданности, когда я стоял, погруженный в воспоминания:

— Вас удивляет надпись на памятнике? Будьте уверены, это чистая правда. Я сам взял руководство на себя, когда скончался мой отец. Имя его стоит вторым на этой табличке.

Я, как громом пораженный, замер. Голос доносился сзади, с той стороны, в которую я не посмотрел при входе в магазин. Услышанное обескуражило: если человек не врал и действительно был сыном Райса, то мне выпала великая честь увидеть потомка загадочного мастера по дереву. Я повернулся в сторону прилавка. Там, в полумраке, виднелась фигура высокого мужчины лет шестидесяти, одетого в старомодный фрак. Его густо побелевшие волосы были аккуратно подстрижены и зачесаны назад, лицо обрамляла густая длинная борода. Прилавок с кассой больше чем на половину скрывал его тело, однако в прямой осанке, крупных жилистых руках и широких плечах легко угадывалась физическая крепость. Он не просто мог бы помериться со мной силой — он одолел бы меня, двадцатисемилетнего юнца, меньше чем за полминуты. Одним словом, потомок мастера внушал уважение и вызывал чувство гордости за мужскую часть человечества, всем своим видом подтверждая сказанное.

— Действительно, все это поражает воображение. Но разве под силу всего лишь двум мастерам построить такое большое здание? — речь моя прерывалась от волнения, я запинался на каждом слове.

— Все приходит само, когда идешь своим путем.

Именно ради сохранения этой истины и был сооружен обелиск, — его голос звучал как голос настоящего колдуна: если вы слышали, как читают заклинания, то, поверьте на слово, этот человек говорил именно так.

— Вы действительно потомок Райса? — любопытство взяло верх. — Мне известна одна история о деревянном големе, который рассыпался на глазах у гостей отеля, когда пытался прикоснуться к девушке.

— Разумеется, — без тени сомнения подтвердил он.

— Наверное, вам рассказывал эту историю ваш отец...

— Вы ошибаетесь, юноша, мой отец был на редкость молчалив. Почти все истории, которые мне довелось услышать, были рассказаны матерью — Анитой Райс, дочерью владельца отеля, в котором приключилась эта забавная история.

Это был уже перебор. Ну невозможно на свете случаться таким чудесам, разве что в сказках!

Похоже, старик угадал мои мысли и, смеясь, повторил:

— Все приходит само, когда идешь своим путем.

Мне стало грустно. Я не понимал, что значит истинный путь и по каким законам природы все должно прийти само. Меня, конечно, посещали некоторые догадки, но в основном эту зомбирующую фразу охотно употребляют на тренингах по саморазвитию и денежному обогащению: «Когда вы идете своим путем, у вас все легко получается». Подобную концепцию приходилось слышать

от множества людей, побывавших на таких мероприятиях. Они потом свято верили, что, если найти бизнес по душе, то он сам будет приносить деньги, а я в свою очередь наблюдал, как их жизнь в итоге ни фига не меняется...

— Знаете, эти слова, по-моему, не очень работают, — с сомнением решил я быть откровенным. — Хотя, вероятно, вы их употребляете в ином смысле. Мне вот, к примеру, вовсе не ясна суть истинного пути. А вы-то сами можете хоть как-то их расшифровать?

Всегда выводил из себя тот факт, что абсолютно любое учение можно обернуть на пользу добычи денег. Я уверен, что нынешние бизнесмены идут на любой самообман, лишь бы выбить из клиента копейку-другую. Это убеждение вполне обоснованно породило во мне скепсис по отношению к подобным догмам из уст любого ныне живущего человека. Сами учения были, бесспорно, весьма занимательными, но в современном мире попросту извращены до безобразия.

Однако потомка Райса вовсе не смутило мое неверие:

— Сложно объяснить, — медленно произнес он. — У каждого это свое. В любом случае, ты испытываешь массу сомнений и разочарований, пока дойдешь до своего старта. И даже добравшись до него, некоторые так и умирают, блуждая вокруг, не в силах сделать первый шаг.

— Что ж, у меня хотя бы есть квартира, куда я могу вернуться если что. Поэтому не страшно потерять что бы то ни было, всегда есть запасной вари-

ант, — резюмировал я.

Старик неожиданно для меня вдруг засмеялся, нет, даже захохотал. Его густая борода колыхалась взад-вперед, пока он наконец не успокоился.

— Глупый юнец. Разве дело в твоей квартире или в имуществе вообще? — Это звучало несколько нахально, и я начал сердиться.

— Я думал, надо иметь что-то за душой, прежде чем, ну, открывать свое дело, — я пытался как-то оправдаться, хотя до конца не понимал, в чем именно.

Хотелось ввязаться в спор просто из-за того, что старик начал смеяться надо мной, мое спокойствие пошатнулось.

— Ты так мало знаешь об этом мире, — снисходительно сказал он. Все-таки по большей части он был доброжелателен, зря я начал огрызаться. — Начав с конца, ты уже запутался в материальном, так и не поняв первопричину всего. Ты опять упустил.

Что? Я упустил? Как те люди, которые не поняли бы замысел мастера по дереву, если бы не были так ошеломлены и испуганы... Если бы страх не лишил их рассудка, они бы не смогли заметить нечто, находящееся у них прямо перед носом.

Значит, я сейчас уподобился тем, о ком сам так рьяно рассуждал?! Это было жутко обидно, но я больше не злился на старика: он был прав.

— Скажите, что я упустил? Что это за первопричина? — Я уже завелся и не собирался останавливаться до тех пор, пока не получу «таблетку» от всех бед.

— Дух! — твердо сказал он. — Именно из духовного пути рождается материальное, если оно тебе,

конечно, надо. У тебя же нет сейчас ничего духовного. Прости меня за обидную откровенность, юноша, и знай, что ты не один такой.

Мне оставалось только вздохнуть и смириться. Оказывается, это всегда было так, просто сейчас меня ткнули носом, как котенка в лоток. Неприятно, а что делать? Совпадения привели меня к нему... Неужели старик поучает меня только для того, чтобы я вынес урок? Или мир продолжает смеяться надо мной, показывая никчемность, мою и материальных ценностей, которые я в глубине души сам же презирал? Однако старик говорит дело. Что ж, запомню.

— Спасибо вам, — искренне поблагодарил я. — В ваших словах, хоть они и раздражают, есть правда, которую необходимо принять. Так уж получилось, что я здесь не случайно, хоть и не собирался идти сюда целенаправленно.

На лице старика появилось что-то вроде удивления, с которым он быстро справился. И правда, звучит довольно глупо: как назвать ситуацию, которая благодаря цепочке случайностей приводит в определенное место? Получается, уже совсем не случайно.

— Ну, в таком случае, — благожелательно произнес он, — коль уж вы сюда попали, намеренно или нет, посмотрите наш товар. Вдруг что-то приглянется.

Во мне опять загорелся огонек пренебрежения ко всем торгашам: им лишь бы впарить свой товар. Однако, играя по сегодняшним правилам, я просто обязан был тут что-то купить — этого требуют совпадения. Но, Боже мой, когда я приблизился к одной из витрин, челюсть у меня отвисла: цены были про-

сто невероятными!

Хозяин, заметив мое замешательство, указал на прилавок с полудрагоценными камнями, который находился рядом с лестницей, ведущей на второй этаж. Здесь под прозрачным стеклом лежали подвески и кольца, выполненные из черного опала. Ни в одной из цен, к сожалению, я не нашел совпадений. Выбрав себе подвеску на шею из камня, приглянувшегося мне больше всего, расплатился карточкой. Замечу — на ней были все мои деньги, которых после покупки теперь хватит разве что на то, чтобы пару раз поесть шаурму на вокзале.

— Я рад, что вы сумели найти себе что-то подходящее, — одобрил мой выбор невероятный старик, — черный опал — символ воображения и ночи. Именно поэтому природа поместила в нем часть вселенной и ее бесконечных возможностей.

Его манеры снова изменились. Я заметил, что у этого пожилого мастера было свое, особое отношение к разным жизненным ситуациям и умение приспособливаться к ним: когда он смеялся надо мной — это был веселый, несколько пренебрежительный и надменный человек; когда говорил про истинный путь — настоящий философ, а сейчас передо мной стоял серьезный и уверенный в себе джентльмен. Меня поразила эта его необыкновенная способность к переменам.

— Прекрасно, но это были мои последние деньги, — признался я. — Откуда вы берете все эти украшения?

— Мой духовный путь рождает их. Мне, по сути, все равно, сколько они стоят: каждая из них однажды

найдет своего хозяина. Сюда часто приходят люди, обреченные быть богатыми, но неспособные найти свой путь. Их тянет купить что-то подобное, ведь так они могут прикоснуться к чужому миру, чужим душевным терзаниям, страданиям и переживаниям. А все это дарит мне моя судьба, потому что я иду по своему пути. Возможно, они берут их как напоминание: чтобы однажды бросить все и отправиться на поиски собственной дороги. Поэтому я горжусь этими работами: они способны зажечь искру в душе человека, и тогда сомнения станут пламенем страсти, а страсть заставит прийти к началу старта.

Его слова были чистыми и несколько не стыдными. Этот человек нашел способ принести свой собственный внутренний мир в ныне существующий. Врезать, ввинтить его в суровую реальность и защитить от всех напастей. Я, скажу честно, испытал даже зависть, твердо зная, что зависть такого рода является для меня самой полезной. Это вам не чужой машине завидовать, все гораздо серьезнее! Передо мной был живой пример того, к чему надо стремиться. Кстати, он стал первым, кого я принял в качестве примера, а ведь мне до сих пор неизвестно его имя.

— Как вас зовут?

Знакомиться, конечно, было несколько поздно, но я, видимо, был обречен начинать все дела с конца.

— Мое имя Никлаус, я хозяин этого заведения. А мастер, с которым ты разговаривал на улице, — Герыч.

— Просто Герыч? — удивился я. — И никаких загадочных титулов? Не подумайте ничего такого, про-

сто место располагает к подобной атмосфере, да и он показался мне человеком крайне серьезным...

— Вообще-то, это его прозвище, но он не обижается, когда его так называют. Ему даже приятно, и он сам об этом иногда просит. Герыч стремится к простоте всегда и во всем, и да, он вполне может показаться крайне серьезным, с него станется, но это свойство улетучивается так же быстро, как и табак в его трубке.

— Раз так, то хорошо, — улыбнулся я. — Очень приятно с вами познакомиться — меня зовут Илья, и я тоже, похоже, поклонник простоты.

Мастер Никлаус Райс завернул мне в подарок черную цепочку, удивительно подходившую к моему опалу. Уж не знаю, из какого материала она была сделана, но выглядела вполне эффектно. Мы стали прощаться, и в этот момент вошел Герыч. Я показал ему свое приобретение.

— Этот получился славно, — заключил он, после пристального разглядывания, — темный опал, камень для фантазеров и выдумщиков. Я все сидел на улице и ждал, что же ты выберешь, и не ошибся в своих догадках! Тебе он подходит как нельзя лучше! Более того, в нем прячется крохотная вселенная — разве это не очередное совпадение?

Перемены в Герыче были просто разительны, в этом он походил на своего друга. Став болтливым, он уже не стирал с лица добродушной улыбки. Люди, действительно, совсем не такие, какими кажутся на первый взгляд, а определить, какие же они на самом деле, похоже, не удастся и с десятой попытки... Однако совпадения, о котором сказал Герыч, я

обнаружить не смог.

— Вы правда так считаете? Я не заметил совпадения, — с сомнением произнес я.

— Ну как же, судя по твоему рассказу и моим наблюдениям, вы с ним очень похожи, в метафорическом смысле, конечно. Теперь ты меня понимаешь, мальчик?

Если Никлаус был совершенно спокоен, то Герыч, напротив, наполнился энергией и, в придачу ко всему, стал называть меня мальчиком... Ладно уж, я не против, от этого добродушного старика исходила невероятная аура, сопротивляться которой было бесполезно, — мальчик так мальчик.

— Теперь, кажется, да — согласился я, поразмыслив. — А я правда могу называть вас Герычем?

— Правда, правда, — посмеиваясь, отозвался он и хотел было добавить что-то еще, но Никлаус его перебил, похоже, зная заранее, что тот сейчас разойдется не на шутку.

— Что еще за совпадения? — с любопытством спросил Райс.

— Я уже рассказывал мастеру Герычу, что попал сюда благодаря совпадениям, просто следуя за ними, — произнося его имя, я посмотрел на него: он, похоже, и вправду был доволен своим прозвищем. — А этот камень, вероятно, следующее совпадение.

— Хмм, похоже, это и есть твой путь, — совершенно серьезно сказал Райс. — Если не испугаешься, то сможешь дойти до своего начала. Когда окажешься на старте, с тобой будет твориться нечто из ряда вон выходящее, такое невозможно пропустить, разве

что специально. Так что будь ответственным перед самим собой и не упusti момент. Можно спросить тебя напоследок, Илья, почему ты вообще решил идти за ними?

Герыч наострил уши, этого я еще не рассказывал, а история, кажется, заинтересовала уже не одного слушателя.

— Сегодня меня уволили с работы. Я, конечно, виноват, немного опоздал, но дело не в этом: начальник задолжал кучу денег и решил сэкономить на кадрах. Потом я сидел на скамейке в парке, и мне казалось, что мир смеется надо мной, что я совершенно не приспособлен к этой жизни и погоне за деньгами. Мир будто читал мои желания и дразнил. Наверное, от отчаяния я решил посмеяться вместе с ним, ведь терять, действительно, было нечего. Так мне казалось. А что до совпадений, то, оказывается, я всегда умел их замечать, а тут вдруг решил сам пойти за ними, вместо того чтобы ждать, пока они появятся... В общем, я расцениваю их как путеводные указатели, такой уж я странный человек.

— Во-первых, ты ошибаешься, Илья, человеку всегда есть что терять. И если ты сейчас опять подумает про материальный мир, в котором у тебя есть квартира, — снова упustiшь. Теряя материю, человек всего лишь получает возможность найти себя благодаря образовавшейся пустоте в жизни — в ней можно разглядеть свою душу. Это как с тем големом: люди испугались, когда он начал рушиться, их головы очистились, и они смогли не упустить момент. Но тут немного иначе, это называется уроком судьбы. Многие противятся ей, не видят уроков, и тогда

они теряются — один за другим. Вот поэтому человеку всегда есть что терять. Когда пропадет последний урок, ты превратишься в живого мертвеца без цели, движимого одними привычками. Поэтому люди алчные и жадные так и не доходят до своего старта.

А во-вторых, твои совпадения я считаю возможностью. Возможность — это тоже урок, и его надо уметь принять. Совпадения по своей сути — дети, рожденные от ощущения, которое часто называют «дежавю». Когда ты его испытываешь, можно сказать, что твоя дорога жизни пересеклась с дорогой судьбы и, возможно, ты идешь в правильном направлении. Мой тебе совет, Илья, — подвел черту Никлаус, — не сходи с дороги судьбы. Тебе дана возможность, и она ценнее, чем деньги и слава, вообще, ценнее всего, что ты можешь представить на данный момент. Она лишь для тебя, единственного, понимаешь? В этом суть.

Герыч был доволен, как слон, в жаркий день добравшийся до берега реки. Он полностью поддерживал своего друга и согласно кивал, словно хотел сказать: «Наматывай на ус, парень! Мотай изо всех сил, пока эти слова еще живут в твоем сознании, потому что скоро от них останется один лишь след».

— А теперь ступай, — напутствовал Никлаус. — Быть может, ты еще заглянешь к нам. Отчего-то мне кажется, что так и будет.

И я вышел, потрясенный всем услышанным, даже не попрощавшись. Сейчас мне казалось, что Никлаус прав: так или иначе, но мне еще предстоит сюда вернуться.

17:17

В кармане завибрировал мобильник: стандартная эсэмэска от банка уведомила, что деньги списались с карты. Мне было страшно смотреть на электронную выписку по счету, поэтому я просто сунул телефон назад в карман.

После описания качеств нового талисмана — опала, и того, что рассказал мне Никлаус, в чашу моих сегодняшних ощущений добавилось немного счастья.

«Какой прекрасный магазин!» — думал я.

«Как прекрасно тебя обули, болван!» — рациональный голос во мне опять начал просыпаться. Пришлось приложить очередное усилие, чтобы заглушить его. Как-никак, а сегодняшний день был отдан во власть случайностей, и пока что они приходились мне по душе. Но кто знает, куда заведет эта дорога!?

С головой уйдя в размышления, я не заметил, как оказался на набережной. Захотелось вдруг посмотреть, как опал играет красками на солнце. Лучи уходящего светила пронизали камень насквозь и на миг оживили скрытую в нем частичку вселенной. По словам Герыча, он — следующее совпадение, которое, на мой взгляд, все-таки пока еще не проявило себя.

Любуясь сверкающими гранями, я случайно обратил внимание на темную машину, остановившуюся недалеко от большого камня на другой стороне реки, возле железного столба. Взгляд сфокусировался

на ней. Расстояние было не так уж и велико, так что я хорошо рассмотрел марку — «мерседес». Водитель выбрался со своего сиденья и направился к пассажирской двери: элегантный молодой человек был одет в дорогой костюм и рубашку со свободным воротником, а блеск его черных ботинок заметен был даже отсюда. Он открыл дверь и галантно помог девушке выбраться. Из автомобиля, опираясь на руку своего ухажера, вышла Настя: как всегда, привлекательная и сексуальная, с неизменно скромной улыбкой на лице — свидетельством хорошего воспитания.

Она умела одеваться и прекрасно имитировала манеры светской дамы. Все наверняка было так, как написано в книжке по этикету, которую она читала у меня дома неделю назад. Сегодня на ней было светлое платье и туфли на высоком каблуке. Конечно, с такой фигурой, как у нее, с гардеробом особо заморачиваться не надо: подойдет все что угодно. Однако сейчас, надо отдать ей должное, она превзошла саму себя!

Проблема назревала с невероятной быстротой: я любил Настю и привязался к ней так же быстро, как и ко всем остальным. Такая у меня натура — сам не рад.

Конечно, догадаться, в чем дело, можно было уже давно, если бы не моя слепая влюбленность. Я как личность никогда не представлял для нее особой ценности, разве что был чертовски практичен в использовании, скорее, даже не я, а моя квартира. Всего лишь один из тех, у кого можно перекантоваться какое-то время. Но надежды на ее внезапное про-

зрение меня почему-то не покидали. Все-таки когда-то мы по-честному влюбились друг в друга и «завязали» со всеми прошлыми похождениями. Ну, это я думал, что «завязали»...

Если бы я увидел ее с кем-то хотя бы вчера — быть беде. Не глобальной катастрофе, конечно, но весьма болезненной. Однако сейчас я был на высоте. Преображение наверняка случилось из-за разговора с Никлаусом и Герычем: порой люди одним своим присутствием заставляют тебя либо парить в воздухе, либо ползать на четвереньках.

Я парил.

И очередного знака от моей истинной судьбы не пришлось долго ждать: прямо над головами парочки на столбе красовалась реклама о вреде курения, по всей видимости, социальная. Надпись неведомого дизайнера над перечеркнутой крест-накрест пачкой сигарет, которая отдаленно напоминала «Мальборо», гласила:

«Хочешь бросить? Просто позвони!»

Меня не пришлось долго уговаривать: я схватил мобильник через секунду после того, как очередной приступ раздражения стал спадать.

— Алло, — голос, звучавший в трубке, был напряженным, но энергичным. Такие интонации используют люди, когда хотят дать понять, что сейчас, мягко говоря, не самое удачное время для общения.

— Привет, — я говорил ровно и спокойно, без эмоций. Этого оказалось достаточно, чтобы она напряглась и отстранилась от мужчины, который

обнимал ее за талию, прижимая к себе. Видимо, сработала женская осторожность.

— Илья, слушай, мне сейчас не очень удобно разговаривать. Давай потом созвонимся, хорошо?

Как ребенка уговаривает, честное слово. Я даже улыбнулся неожиданно для себя.

— Мне нужно кое-что тебе сказать, это не займет много времени.

— Слушай, я правда сейчас не могу тебя выслушать. Тороплюсь...

Она стояла на своем, но и я так просто сдаваться не собирался.

— Настя, ты мне надоела, — перешел я в атаку, — я больше не хочу с тобой видеться, — теперь я говорил громко и уверенно, голос был бодр как никогда и должен был проникнуть в самую глубь ее далеко не бесконечного мира.

Настя, онемев, уставилась на своего нового ухажера, а потом стала оглядываться по сторонам. Но меня она уже не заметит. Отвернувшись, я сбросил вызов, достал сигарету из той самой пачки «Мальборо» и закурил. Пачку смял и выбросил в рядом стоящую урну. Курить, и правда, вредно, а эта последняя сигарета пусть будет утешительным подарком при расставании.

Как только я докурил, телефон зазвонил снова: это был Артем, мой давний знакомый. С чего ему понадобилось звонить — непонятно. Он был как раз из тех расчетливых людей, которых волнует только их благосостояние, вроде того парня на «мерседесе»... Хот я, конечно, преувеличиваю, откуда мне знать, какой он, этот парень!? Просто хотелось

на кого-то выплеснуть немного злости, и я мысленно выбирал себе цель.

— Слушаю, — в предвкушении какой-либо просьбы сказал я.

— Привет, Илья! До меня слухи доползли, будто тебя выперли с работы.

— Быстро они работают, однако, эти слухи. А с чего ты взял, что меня уволили? Это я сам, по собственному желанию!

— Да ладно тебе, не прикидывайся, ну выперли и выперли, — рассмеялся Артем, ехидство так и сочилось из трубки. — Я вот по какому вопросу: нашей фирме как раз требуется ответственный в отдел проектирования, мой новый начальник сейчас собирает людей. Так уж случилось, что новость о твоём увольнении совпала с новостью о формировании нового отдела. Так что ты первый! — радостно прокричал он в трубку. — Что скажешь, если мы встретимся через пару часов в кафе «Антейк». Знаешь такое?

Где находится это кафе, я знал: самый лучший и недорогой кофе делали именно там, к тому же оно находилось в десяти минутах ходьбы от моего дома. Но как же должны были сойтись звезды, чтобы Артем назвал именно его? Удивительно, ничего не скажешь.

— Знаю, буду там через два часа ровно, — ответил я.

Может, все это очередное совпадение? Любопытно...

— Вот и славно, договорились. Люблю, когда проблемы решаются быстро, — весело сообщил Артем и повесил трубку.

Проблемы? У этого парня явно хватало нахальства относиться к людям не самым лучшим образом.

«Наконец-то судьба сама подкидывает тебе халяву, идиот, хватай ее быстрее, езжай в кафе и занимай лучший столик!» — вовсю верещал во мне надоедливый внутренний голос.

Похоже, затыкать его целый день — сегодня моя работа. Делать все равно было нечего, следующую цель я знал, а потому спокойно добрался до кафе пешком. В запасе оставалось минут десять, однако ждать не пришлось: когда я подходил к «Антейку», Артем на черном «мерседесе» уже подруливал к стоянке. Эта машина второй раз за день попадает в поле моего зрения: сначала на набережной из такой же вышла Настя, а теперь вот и Артем оказался любителем именно этой модели. Короче, меня это скорее разочаровало, чем удивило, и настроение чуточку испоганилось.

Хорошо замаскировав недовольство, я направился в его сторону. Артем стоял не один, а с каким-то мужчиной лет примерно тридцати пяти-сорока. Он был невысокого роста, полностью лысый и чересчур кареглазый — такого насыщенного цвета глаз я еще не встречал. Мне почему-то подумалось, что облачение какого-нибудь сектанта подошло бы ему гораздо больше, чем пиджак. На запястьях у обоих болтались неизвестной мне марки дорожные часы, наверняка швейцарские. Статусные люди, что ни говори!

— Илья, ты вовремя! — воскликнул Артем. — Мы как раз подъехали. Вот знакомься, Максим Игнатьевич — генеральный директор компании «Йера».

Все-таки Артем немного заискивал перед госпо-

дином Игнатъевичем. Он и сам отдавал себе в этом отчет и пытался скрыть свою суетливость, но от моего острого глаза ничто не утаится, особенно поведение всяких подхалимов, которых просто колбасит перед настоящим неподдельным статусом.

Мы обменялись любезностями и рукопожатиями. Гендиректор не вызвал во мне особого восхищения, поэтому я оставался хладнокровен. Мне уже давно было не в новинку сохранять ледяное спокойствие в беседах с высшим сословием общества. Ведь неизвестно, что за люди тебе попадают, и уж совершенно точно не стоит дрожать перед такими только потому, что они привыкли использовать повелительный тон в манере изъясняться.

В «Антеijke» было людно, но свободные столики имелись. Мы заняли один из них, как раз напротив окна. Первым, как и полагалось, начал беседу Артем:

— Илья, если вкратце, то нам нужен человек, отвечающий за целый отдел проектирования. Ты сдавал все проекты не просто в срок, а даже раньше. Мы знаем это, потому что большинство заказов шло от партнеров Максима Игнатъевича, — он с уважением взглянул на своего шефа. — Ты был в своем отделе не главный, но работу выполнял отлично, и в основном она вся на тебе и лежала. Твой шеф, если честно, полный кретин, раз решил тебя уволить. К тому же взял эту новую прогу, еще сырую, насколько мы оба понимаем, — Артем заговорщически подмигнул.

В голове лихорадочно запульсировало: откуда он, черт возьми, все это знает? Ведь прошло всего ничего, лишь несколько часов! Чтобы обладать такой осведомленностью, надо по-настоящему шпионить.

Чушь, конечно, но...

Мои рассуждения прервал гендиректор компании «Йера»:

— Артем хочет сказать, что нам нужен такой специалист, как ты, и все. Я предлагаю тебе вступить в наши ряды и возглавить отдел. Поэтому прошу принять решение сегодня же. Но знай, работы много, и придется сидеть в офисе с утра до вечера. Труд будет хорошо оплачен, не сомневайся, — когда он произносил это «с утра до вечера», его глаза хищно блеснули. Что, и про мои опоздания они тоже в курсе?

Этот Максим Игнатъевич и правда был сектантом, а сейчас вербовал себе нового послушника. Он не повышал голоса, не размахивал руками, он был более чем сдержан — определенно, не чета моему бывшему шефу. Его слова зачаровывали, он, действительно, мог уговорить любого: в голосе присутствовали какие-то особые интонации, магическомистические, с доброй долей гипноза. Вот это да! Черт, если он наденет сейчас рясу и начнет проповедовать о Боге, даю голову на отсечение — вокруг соберется много желающих послушать!

Глоток кофе подействовал как нельзя лучше: я стал быстрее соображать и вялость куда-то улетучилась. «Как странно все выглядит, — думал я, — не прошло и суток, как мне позвонил человек, которому на меня совершенно, откровенно говоря, наплевать, и предложил „работу мечты“. Неужели это и есть сила совпадений? Неужели это моя награда за все пережитое сегодня?»

В голове один за другим всплывали вопросы,

а потом меня захлестнула почти полная уверенность в том, что я наконец-то заполучил удачу в союзники. Только вот радость была какая-то не такая... С одной стороны, предложение шикарное, с другой — это опять возвращение к тому, что я терпеть не могу всей душой. Однако соблазн настолько велик, немудрено опять запутаться в своих «хотелках».

Резко зазвонил телефон, вырывая из мыслительного ступора, — это была Настя.

— Извините, мне нужно ответить, — поднялся я из-за стола, — и подумать, — добавил уже про себя.

С чего бы ей звонить? Это на нее не похоже... Я принял вызов, и на меня обрушился рыдающий голос несчастной брошенной девушки:

— Илья, почему ты меня бросил? Знаешь, ты мне очень дорог. Давай я к тебе сегодня приеду, и мы поговорим.

Очень заманчивое предложение. И вообще, все складывалось так хорошо, что сдуреть можно: работа — вот она, красивая любимая девушка — тоже. Все сразу, здесь и сейчас! С ума сойти! Интересно, что все-таки случилось: она не смогла переночевать у того парня или он ее тоже бросил?!

— Не думаю. Уже принял решение. Извини, — я чеканил слова как монеты.

Кто обладает собой в полной мере и не поведется на подобную чушь? — Правильно, это я.

— Ты, ты... я... влюблена в тебя! — выпалила она. — Понимаешь, у меня к тебе... чувства!

Как она старалась! Восхитительно! Я уже даже начал колебаться, но, слава Богу, спектакль таки надоел.

— У меня... — она вновь хотела что-то до меня донести, но я бесцеремонно ее прервал:

— Хватит. Я же сказал, ты мне не нужна.

Как хорошо, что я ушел в туалет — заранее чувствовал, что разговор обернется чем-то неприятным. Последовала хорошо выдержанная пауза, у меня даже любопытство разыгралось. А потом из трубки полился отборный мат, сначала негромкий, но экспоненциально нарастающий с каждой фразой.

— Козел! Какой же ты козел, тупой мудака! — от рыданий и следа не осталось, это была настоящая Настя.

Я даже загордился, что вывел ее на чистую воду.

— Вот как?! — весело прокомментировал я.

— Ну и придурок, да пошел ты на хрен со своей квартирой! Мужиков что ли мало? Найду прямо сегодня еще одного!

Ну на что она рассчитывала? Что я вдруг сам начну рыдать и извиняться, говорить, что ошибся, что со мной случились галлюцинации на набережной? Определенно, нет.

— Да ты и так уже нашла, или он тоже оказался не настолько хорош? — парировал я.

— Что? — она вдруг поняла: весь спектакль с самого начала был затеян зря. — Так ты... да иди ты в задницу, все равно ты никому не нужен! Ты всего лишь депрессивный тупой молокосос, который никогда ничего не добьется в этой жизни, этот мир тебя сожрет и выплюнет. Кому нужны такие слюнтяи, как ты? Ха, не смейся меня!

— Ты закончила?

Во мне растеклось спокойствие. Я вовсе не принуждал себя к нему, просто в один момент освободился от всего: злость, печаль, радость и гордость за разоблачение — все ушло, ничто не имело значение.

— Нет! Слушай меня! — ее состояние было явно не таким безмятежным. — Если ты еще не понял... В жизни важны только те, у кого есть деньги и власть! Понял? А у тебя что есть?

«Да, действительно, а что у меня есть, что есть настоящего?» — подумал я.

— Ни хрена из этого! Ты НЕ лидер! Ты всего лишь пешка, так и будешь тащиться за настоящими мужиками, теми, кто правит и нанимает таких, как ты, тупых безвольных выродков...

Дальше слушать было бессмысленно: ее просто понесло, и я нажал на сброс. Однако в разговоре с ней я обрел нечто важное: у меня прочистились мозги!

Что я имею сейчас? Что имел до этого... НЕ лидер, НЕ веду за собой других людей, все только пользуются мной, как пользовалась она. Я был ее запасным аэродромом, на который больше не получится приземлиться. Дело было не в том, что у меня ничего нет по жизни, а в том, что у меня нет самого себя. Я живой мертвец, и вокруг таких миллиарды.

«Деньги, власть, лидерство — да катись оно все к черту!» — злился я, возвращаясь за столик, где Артем о чем-то беседовал со своим шефом. Мой взгляд застыл на экране телефона с неп прочитанной выпиской со счета, денег на котором заметно поубавилось после покупки опала. Нажал, чтобы прочи-

тать. Буквы прыгали перед глазами, складываясь в следующий текст: «Кредит на любые цели! Откройте свой бизнес с надежным банком! Следуйте за своей мечтой! Остаток средств на счете: одна тысяча сто одиннадцать рублей шестьдесят девять копеек».

Четыре единицы — совсем как на часах этим утром. А шестьдесят девять — номер моей квартиры... Вот и не верь после этого в совпадения.

— Илья... Илья! Земля вызывает космос. Чего завис, приятель? — Артем потряс меня за плечо, выводя из ступора, навеянного очередным знамением...

— Простите, задумался. Так много сегодня важной информации поступило. Нужно некоторое время, чтобы ее переварить.

— Ничего, — сказал Максим Игнатьевич, — мы все понимаем, предложение серьезное и требует делового подхода. Обдумайте все и свяжитесь с Артемом. Его номер у вас есть.

— Нет. Вы меня не так поняли. От вашего предложения я отказываюсь, и причины объяснять не стану. Прошу прощения за потраченное вами время, но, выслушав вас, я окончательно убедился, что мне это не интересно.

Начальник как-то неуловимо переменился в лице: похоже, мой отказ его не разочаровал, а лишь подвиг к еще более настырным попыткам взять меня под свое крыло — так мне показалось.

— А что тогда вам надо?

Он был максимально сосредоточен, задавая этот вопрос, будто от моего ответа зависело что-то очень

важное.

— Я и сам еще не знаю, но, думаю, ответ близок. Позвольте откланяться, господа, было приятно поговорить.

И я ушел.

Вышел из кафе и направился в сторону дома. Как минимум две пары глаз смотрели мне вслед, думая о чем-то своем. Наверняка Артем извинялся перед начальником за то, что свел его со мной, но меня это уже не волновало.

Порой совпадения делают ход конем, как сейчас. Они принесли мне очередное испытание, как и говорил мастер Никлаус: «Мир будет подкидывать тебе кучу сомнений и испытаний». Не случайно он напутствовал: «Я желаю тебе никогда не сходить со своего пути».

Отказаться от сделанного мне предложения во имя чего-то неизвестного, неопределенного — это, точно, испытание, уж поверьте! Испытание, которое я прошел, и в этом мне, как ни странно, помогла Настя. Надо бы сказать ей спасибо.

Голос рационального существа во мне молчал: видимо, его постигла бесславная кончина в безнадежной борьбе с моей глупостью и бездарностью либо он счел за благо покинуть своего хозяина. Зачем тратить время на неисправимого неудачника? Возможно, он отправился спасать кого-то еще... Путь-дорожка, как говорится.

Без этого внутреннего рационального цензора вдруг стало невероятно легко: я слышал лишь тишину, которая меня никогда не предаст и не использует. Она была моей неизменной возлюбленной, и эта

любовь, без всяких сомнений, взаимна.

Однако в мою безмятежность начала потихоньку заползать тревога. И чем ближе я походил к дому, тем сильнее она становилась. Хоть в квартиру теперь не заходи. Все во мне напряглось, как в недавнем сне: каждая клеточка тела к чему-то готовилась. Преодолею еще пару кварталов. И уже у самого подъезда мое естество забило тревогу во все колокола. Усилим воли я заставил себя не обращать на это внимания и решил все-таки подняться наверх. Возможно, это сказывались впечатления от сегодняшнего дня: чувства обострились, и тревога стала как бы побочным эффектом.

«Ну почему я не должен заходить домой?» — вопрошал я самого себя. Туда, где я защищен, где всегда спокойно! Мой взгляд судорожно метался по сторонам. Стоп! Опасно! Убьет! Высокое напряжение! Это не были совпадения, и тем не менее я невольно замечал вокруг каждый предупреждающий об опасности знак.

Поднявшись на этаж, я взглянул на дверь, решительно отказавшись принять то, что заходить домой нельзя. Доставать связку ключей не пришлось: дверь была открыта. Из квартиры не доносилось ни звука, да и не должно было: у меня же нет ни телевизора, ни радио — не люблю эти вещи, вот и не покупаю. Но сейчас тишина была какой-то подозрительной, вовсе не той, к которой привык. Чутье подсказывало, что ничего хорошего ждать не приходится. В итоге нервы сдали: я решительно повернулся и бросился вниз по ступеням, стараясь не издавать лишних звуков.

Выскочив из подъезда, уселся прямо на каменный парапет. Требовалось пораскинуть мозгами. Если совпадений не было, а были только указания — не ходи туда, не ходи сюда, да еще и сердце забило странную тревогу, то, наверное, возвращаться в квартиру сейчас не стоит. Черт побери, я никогда не забываю закрыть дверь! Это мое врожденное качество: уходя, сто раз все проверить, даже если спешу.

Так, надо немного остыть. А то и взорваться можно.

Остывать долго не пришлось: вечерние сумерки на улице сгустились и город окутала прохладная ночь. Однако я сумел отчетливо разглядеть стрелку, указывающую в направлении парка, где шумела какая-то компания. Сегодняшний день еще продолжался, а значит, запас приключений на мою пятую точку тоже не иссяк, как-то вяло рассудил я и отправился в указанном стрелкой направлении.

По дороге мне попала еще одна, а последняя встретилась у места, где шумела веселая братва. Большинство собравшихся были в растянутых трениках и грязных майках. Огоньки зажженных сигарет, звон бутылок и висевший в воздухе отборный мат любого заставили бы обойти подобное сборище стороной. Но не меня. Не сегодня.

Оказавшись у последнего знака, заметил на разрисованном мелом асфальте рядом со стрелкой кривые буквы, слившиеся в небрежную надпись: «The end, Илья». Видимо, автор этого творчества носил такое же имя, как у меня; нарисованные детской рукой стрелки вели, действительно, в конец.

«Да нет, ну это уже слишком! Действительно, слишком! Какого черта я забыл у этого сброда? Что, в конце концов, нужно этим совпадениям?» — я понимал, что испугался и мой протест всего лишь способ не поддаваться страху. И еще совершенно ясно, что гопота отвисает тут не случайно.

Судьба сама решает, когда приходит время случиться чему-то из ряда вон выходящему. Я никогда не отличался бесстрашием и мужеством, поэтому решил, что это ветер подтолкнул мое тело в тот момент, когда я уже готов был развернуться. Мои мозги отключились. Я даже бояться перестал. Не чувствовал ни рук, ни ног, ни того, что продолжал двигаться вперед.

Сброд не замечал меня, даже когда я, приблизившись, уставился на них в упор. Гопники — а кто же они еще? — окружили пса, грязного и лохматого. Собака не сопротивлялась, просто сидела в центре этого круга дебилов и смотрела на одного из них, корчившего ей рожу. В печальных глазах ее сквозила нечеловеческая мудрость.

Я решил прервать надоевшую клоунаду.

— Прыгает как мартышка вокруг человека, — выпалил я первое, что вертелось на языке, и поразился последовавшему за этим резкому изменению расклада вещей.

Бритоголовый в синих адидасовских трениках неторопливо поднялся с корточек. Головы всех членов компании как по команде повернулись ко мне. Реплика, надо сказать, привлекла всеобщее внимание: на лавочке в ожидании предстоящего развлечения замерли четыре женоподобных существа.

У одной даже рука с семечкой остановилась на полпути ко рту, другая поперхнулась «Жигулевским».

Повисла зловещая тишина.

— Чо? — хрипло разорвал ее Лысый.

— Я хочу забрать пса, — ровным голосом ответил я.

— Не-не... А чо там про обезьяну-то было? — бритоголовый медленно двинулся в мою сторону.

От него пахло дешевым одеколоном, перегаром и жареными семечками. Первое от второго, надо сказать, не слишком отличалось; в целом все запахи смешивались и образовывали едкое гремучее облако.

— Мы вот тут чо-то плохо расслышали, — он обнял меня одной рукой за плечи, увлекая в центр их тесного, почти семейного круга. Я, не сопротивляясь, принял приглашение. — Это чо, твоя псина? Чо она помятая какая-то, — икая, ухмыльнулся он.

Толпа загоготала, девки на лавке оживились.

— Нет, не моя. Но, думаю, сегодня именно тот день, когда стоит стать хозяином какого-нибудь пса. И своего я уже выбрал.

Сказанное вежливым тоном заявление всерьез не приняли.

Когда-то давно я учился в секции акробатики делать заднее сальто. Приходилось, обманывая себя, оставаться невозмутимым, не пускать мысли в голову. Трюк в итоге получался, и страх покидал навсегда. Кто бы мог подумать, что подобное умение пригодится в сегодняшней ситуации.

Сейчас дела обстояли несколько иначе, это было

что-то новенькое в моей жизни, но принцип успеха остался прежним: побороть свой страх раз и навсегда.

— Ты пургу не гони, приятель, — вытаращив глаза, Лысый слегка опешил от моей наглости.

Пес смотрел на меня. Я присел, погладил его по загривку, ощутив короткую кудрявую шерсть, скрывавшую следы тяжелой жизни: тощее строение тела, засохшую местами кровь, до которой ему было не дотянуться языком, и парочку свежих распухших ссадин.

Интересно, адреналин в большом количестве способен вызвать галлюцинации? Спокойствие-то, оно сохраняется в голове или еще где-то, а вот сердце стучит так, что любой барабанщик от зависти сдохнет, — могу поклясться, что чувствую эмоциональное состояние собаки: оно точно такое же, как у меня! Мы на одной волне, так сказать.

— Бежал бы ты отсюда, дружок. Без оглядки и в следующие несколько секунд, — сказал я собаке.

Пес повернул голову и посмотрел на меня искоса, как будто оценивая или удивляясь моей глупости: «Конечно, брошу я тебя теперь».

Все выпавшие мне в жизни драки можно считать по пальцам руки невезучего фрезеровщика. Очень невезучего. Однако отсутствие подобного опыта вовсе не помешало мне выдать удар, результату которого даже я сам удивился. Удар пришелся точно в цель: лысый отлетел и распластался на асфальте, а на месте, где он только что стоял, остался витать запах пота и спиртного. От резкого поворота защемило бок, ноги неумело спутались под телом. Пыта-

ясь найти точку опоры, я все-таки шмякнулся на задницу. Затем истошный крик женоподобного создания исказил, казалось, саму реальность — так мерзко и противно она орала:

— Он Лысого убил! Мочите гада!

Все-таки Лысый — не ошибся я с выбором прозвища.

Довод был, бесспорно, весомый и призывал к активным действиям всех, включая меня самого. Я обхватил голову руками, чтобы хоть как-то заблокировать удары.

Быть наказанным за дерзость — нормально для этих людей. Действовать так вопреки страху, чтобы спасти ни в чем не повинного пса, — нормально для меня. Что ж, обе стороны расставили свои приоритеты.

Адреналин не давал почувствовать боль. Несмотря на град ударов, я подорвался с асфальта, будто за спиной сработал реактивный ранец, и врезался макушкой в подбородок одного из моих противников. Но вот замахиваться вслепую — был уверен, что попаду еще в кого-нибудь и сломаю ему челюсть — было ошибкой: просчитался. И на меня навалились с удвоенным рвением. Я осел обратно на асфальт не в силах противостоять взбесившейся ораве.

Это было странное состояние: боли я не чувствовал, сознание то покидало меня, то возвращалось обратно, и тогда я пытался встать, но меня снова опрокидывали на дорогу. Слышал, как лает пес, за ним следуют ругательства, и собака взвизгивает от боли.

— Ах ты, чертова скотина, сейчас я тебя быстро

почикаю, — последнее я услышал хорошо, и вот теперь страх вырвался наружу.

У кого-то из них был нож, и мысль об опасности временно вернула меня к жизни.

Толпа на миг отвлеклась в желании увидеть более интересное представление. Этой секундой я и воспользовался, сделав подсечку: вложил в движение все силы, сколько еще оставалось. Маневр не был молниеносным — быдло с ножом успел его заметить и развернуться в мою сторону. Но цель была частично достигнута: он упал прямо на меня. Резкая боль пронзила икру — будто воткнули раскаленный штырь, но последовавший затем удар по голове заставил на время уйти из этого мира.

Сознание мое не по своей воле собрало вещички и отправилось в кругосветный тур по «неведомым далям», где обитают ночные кошмары и все отчего-то постоянно страдают. Короче, я отрубился и бредил какими-то расплывчатыми образами. Казалось, что меня куда-то тащат, голова неприятно трется о твердую и шершавую поверхность. Затем ощущение свободного падения, вслед за ним собачий визг и тишина.

Тишина — это хорошо. В тишине можно увидеть интересный сон. Я, на самом деле, даже обрадовался такому раскладу.

***

Туман плотным, но объемным прозрачно белеющим одеялом окутал огромную зеленую равнину, деревья и дома на редкость причудливых форм. Только две исполинских горы не покорились ему — он истончился у самого подножия и на их фоне выглядел уже не таким всепоглощающим.

Меня занесло в какую-то неведомую деревушку, поначалу решил я. Но удостовериться в этом окончательно не мог. Белая пелена закрывала все далеко виднеющиеся ряды домов, и было совершенно непонятно, что там: деревня, поселок или мегаполис.

Ночная гостья из моих снов терпеливо стояла рядом, не сводя с меня своих пронзительно синих глаз. Они были настолько прелестны, что хотелось каждому дать имя, тем самым увековечив красоту.

— Почему?

— Что почему, Илья?

Она выглядела озадаченной и говорила так, словно мы были давно знакомы.

— Почему ты мне снишься? — я требовал объяснений.

— Считаешь это сном? — она посмотрела вокруг себя и сочувственно покачала головой. — Должна тебя огорчить.

— А что же это? Я мертв, меня убили эти пьяницы.

Последние события вспоминались с трудом. Но то, что мне неслабо досталось, было неоспоримо — язык чесался назвать последствия своими

именами...

— Вот, значит, как ты думаешь. По-твоему, я сейчас гонялась за мертвецом? — кажется, теперь она возмущена.

Да, девушка была в прекрасном расположении духа, чего не скажешь обо мне. Я все еще был уверен, что это посмертные образы и с секунды на секунду меня попросту не станет. Точнее, нас не станет, или... Черт, как сложно, она же мое видение, а посему не станет меня — не станет и ее. В общем, всем нам крышка.

— Ты не умер и уже давно не спишь, — подтвердила она. — Тут сложно прийти к чему-то конкретному, скорее всего, ответ находится где-то посередине. Просто наконец-то ты пришел. Сам. Я ждала и делала все возможное, чтобы помочь. Залезать в твои видения очень сложно.

Девушка вздыхает. Вероятно, залезать в видения та еще работенка. Особенно в мои.

Ситуация полностью бредовая, но я не спешу прекращать эту комедию. А зачем? Напоследок можно и поразвлечься. Поэтому сочувственно замечаю:

— Что верно, то верно! Каждый раз ты была словно статуя, которую расшевелить по силам было только мне.

— А вот и нет! Только благодаря собственной воле я смогла донести до тебя послание! — в ее словах звучали возмущение и гордость за достигнутое.

Однако я в этом сомневался... Обычно она открывала рот только после того, как у меня возникало неодолимое желание ее слышать. Но спорить с собственным видением дело неблагоприятное. Я

и не стал, углубившись в размышления: «Сейчас я могу лежать в коме. Меня обкололи, следствием этого стал бред — вполне логичная версия. Но нельзя исключать остальные варианты, поэтому возможных ответов три: сплю, умираю или все-таки в коме».

Хотелось придать ситуации хоть какую-то конкретику.

— Ты сказала, что ждала меня. Не хочу разрушать иллюзии, девочка, но я не настолько важный человек, чтобы усердно являться мне целый день, даже в образе такого прекрасного видения.

— Что?!

Наверное, я задел за больное место, потому что от возмущения она перешла почти на крик:

— Мало того, что видением меня обозвал, так еще и девчонкой!

Она и ухом не повела, напротив, комплимент оказался скорее оскорбительным, чем приятным.

— Между прочим, мой обряд посвящения пройден десять лет назад! Так что я давно перестала быть девчонкой, — огрызнулась она.

— Ладно, ладно, — попытался я ее успокоить, — ты взрослая. Но ты и правда стала для меня сегодня наваждением — я вижу тебя целый день! Ты грезила ночью, и в метро, и даже после того, как меня выперли с работы, хотя это к делу не относится. Да и я тебя не могу выкинуть из головы, постоянно думаю.

— Не мудрено, это же я тебя искала. — Слово «искать» для нее, по всей видимости, означало что-то запредельно важное, магическое. — Поэтому образовалась такая тесная связь. Но это ничего осо-